

**анна
ГЕДЫМИН**

осенние
праздники

анна гедымин

Поэтическая библиотека

Серия основана в 1993 году

анна гедымин

осенние праздники

избранные стихи

МОСКВА 2012

УДК 821.161.1-1
ББК 84Р7-5
Г28

дизайн серии
Валерий Калныньш
фото на обложке
????????????????

Гедымин А. Ю.

Г28 Осенние праздники: Избранные стихи. — М.: Время, 2012. — 224 с. — (Поэтическая библиотека).
ISBN 978-5-9691-0771-7

Стихи Анны Гедымин знакомы читателям еще с 1980-х годов, когда подборки в «Московском комсомольце», журналах «Юность», «Смена», «Работница», а также первая книга «Каштаны на Калининском» и выступления в Политехническом музее сделали ее одной из наиболее заметных фигур тогдашней молодой поэзии. Потом были сотни публикаций в периодике, еще четыре поэтических сборника, несколько литературных премий, в том числе «Литературной газеты» и радиостанции «Немецкая волна». Со временем менялся круг тем, более драматичной становилась интонация стихов, но поэтический голос Анны Гедымин всегда сохранял свою узнаваемость и неповторимость.

В настоящее издание вошли как уже опубликованные, так и новые произведения поэтессы.

ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-9691-0771-7

9

785969107717

© Анна Гедымин, 2012
© «Время», 2012

Лев Аннинский

Счастливый случай...

Анна Гедымин — это редкий, может, даже редчайший случай в русской поэзии: умение писать в состоянии счастья. Счастливый случай.

Инна Кабыш

Да, собственно, отчего не быть счастьем? Москвичка, родившаяся в мирное, либеральное уже время, когда Великая Отечественная война откатилась за гребень полутора десятилетий, и ни сумы, ни тюрьмы не приготовила судьба детям начавшейся оттепели, и верховного вождя, главного тирана и ответчика через год вынесут из Мавзолея ногами вперед, а еще через тридцать лет, дав поэтической душе перешагнуть возраст лермонтовский и дошагать до есенинского, — вынесут из страны ногами вперед и саму повязавшую всех советскую власть, и за эти первые тридцать лет жизни — разве не счастье было предложено юной пионерке (председателю совета отряда) и, надо думать, истой комсомолке, которая спокойно окончила школу, потом университет...

Из школы — на всю жизнь — воспоминание:

Ты помнишь? — детство, стриженные ногти,
Огромный бант, умолкший третий класс...
Горнист, волнуясь, врет на каждой ноте...
Так в пионеры принимали нас...

А семья?

Мандариновый запах елки, семья и школа...

А коммунальный ад с соседями? Почему же «ад»?

У других если родина — значит луга, перелески,
У меня — коммуналка, Арбат сквозь дыру в занавеске.

Дыра в занавеске так же важна и достоверна, как родная московская улица, видная сквозь эту неустранимую дыру. Как то, что горнист — врет. От счастья.

Дальше: между заветным дипломом журфака и началом литературной работы — требующий тонкой филиграни пальцев опыт работы сборщицей схем на заводе. Эта филигрань из памяти перетекает через кончики пальцев в строки стихов, в сотни публикаций в московской, общероссийской и всесоюзной периодике, в полдюжины стихотворных книг, литературных премий и прочих свидетельств счастливой судьбы, иногда и неотличимой от других счастливых литературных судеб, если бы не имя...

...Завораживающее имя, долетевшее к нам из веков литовско-польской старины в виде паспортной фамилии — Гедымин, за поэтический шарм которой иная служительница Эвтерпы отдала бы полцарства.

Но если пращуры поэтессы Анны носили это имя с честью, подкрепляя честь оружием во времена Ягайлы и Костюшки... а дед ее, едва не сгинувший во времена Ежова и Берии на Беломорканале и мыкавшийся после срока за сто первым километром, все-таки сумел сохранить и передать великое имя по наследству — то отец Анны, инженер уже послевоенных советских времен, с детства получал от своей любящей мамы то одну фамилию, то другую и таким образом делил царство надвое. В периоды антидворянских гонений, как пишет Анна, он из Гедымина превращался в Хайкина (по матери), а в периоды гонений антисемитских опять же делался (по отцу) Гедымином.

В итоге скрупулезного генеалогического исследования Анна Гедымин обнаружила в своих жилах четыре явных крови: литовской — четверть, еврейской — еще четверть, а в другой половине: русской — три восьмых, немецкой — одна восьмая, да еще греческой — за давностью колен почти уже неразличимый процент.

Есть отчего прийти в восторг и пропеть осанну дружбе народов, осчастлививших Анну таким богатством?

А может, напротив, ощутить подземные толчки от того, как бьются неумемные предки в своих могилах?

Интересно, что в стихах Анна Гедымин предков прямо не воспевает. И даже не поминает. Кроме одного известного мне стихотворения:

Будто видела — помню об этом дне:
Говорили: «Красные входят в город».
Это предок мой на гнедом коне
Мчал за криком своим, разорвавшим ворот.

Победитель! Его не задержит лес,
Не сломают ветра, не утопят реки...
Но другой мой предок наперерез
Выходил — остаться в бою навеки...

Наперерез... Кто же из них — навеки — победитель? И каким он будет сниться потомкам? И будет ли в этой горькой встрече — побежденный? И каким его запомнит правнучка?

Два врага погибли — и две строки
Родословная вносит в свои скрижали.
До сих пор сжимаю я кулаки,
Вспомнив предков — чтоб руки не так дрожали.

Я поповская правнучка — и княжна,
На конюшне прапрадед мой был запорот...
Так — о боже! — что чувствовать я должна,
Если снится мне: красные входят в город?..

Так сон этот — счастливый или страшный?

А земля, упокоившая этих посеченных, заколотых, запоротых предков, — покрывает их всех без разбора? И после грозы в самом деле воцаряется мирный пейзаж с ручейком, журчащим в овраге, и мухами, поющими в застывшем от жары воздухе?

Как же мука была велика
Без движения, звона и влаги,
Если вдруг появилась река
В этом старом недобром овраге!

Это — из первой книги. Если не знать, если не настраиваться, не помнить, что за пределами мирного пейзажа «повстречались две равные муки», — так и не почувствуешь отчаяния. Но если знать, помнить — то в любом пейзаже земля бугрится взрывами боли. И в ранних стихах, и в поздних. И там, где цветут «Каштаны на Калининском». И там, где цветет в земле, пахнущей металлом, шиповник, «прекрасный, точно перед смертью».

И всегда в этом хрупком окоеме висит у Анны Гедымин на первом плане какая-нибудь живая точка, поющая муха или замерший паучок, что-нибудь мирное, легкое, случайное, бесполезное, чаще всего — шмель. А как-то раз — стрекоза...

Приглядишься — а стрекоза-то черная. И мирная живинка на первом плане, вроде бы умиротворяющая читателя — жизнь продолжается! — лишь оттеняет погребенную в глубине этой жизни гибель.

Как с таким наследием примириться?

Примириться нельзя. Но жить, вмещая все это в душу, — нужно. Враг не должен исчезнуть, он не должен перестать быть врагом. Лирическая героиня Анны Гедымин вовсе не призывает возлюбить врага (у нее вообще довольно сложные отношения с религиозной доктриной в силу врожденного отвращения к перемене веры, а вера, как можно догадаться, обходилась без бога с пионерско-советских времен). Не любить врага надо, а сохранять — это неизбежность бытия, которая должна осуществляться. «И без недругов нельзя, так что бог им помощи» (вот и богу дело нашлось). Во враге, как и в друге, главное — верность предназначению, неуклонность от жребия. «Я руки верным людям жму — врагу и другу». И наконец, образ, вряд ли мыслимый в обычном миропонимании и, я думаю, уникальный именно в лирике Анны Гедымин — «закадычный враг».

Лейтмотив такого «высокого противления» проходит и через поэзию, и через судьбу Анны. Например, тот факт из семейной истории, что бабушка Белла (Белла Моисеевна Хайкина) в молодости была очень хороша собой (и блестяще воспитана — Высшие женские курсы!), чем обратила на себя внимание Крупской, которая вознамерилась взять ее в личные секретари. Красавица не только отвергла эту честь, но на всю жизнь сохранила к Крупской неутихавшую враждебность — настолько оскорбительна показалась перспектива пойти в услужение.

Еще пример воздействия такого раздрая действительности на благотворно враждующие начала. Русский дед Анны Александр Лебедев, сын священника, никогда не скрывавший неприязни к большевикам, естественно, угодил при них в тюрьму. И вот среди его дочерей нашлась одна, которая отеклась от отца. Чем обеспечила себе блестящую карьеру в области медицины. Она была в числе основателей и первых профессоров Московского института туберкулеза. Спаса этим тысячи людей. Так куда записать ее — в праведницы или в предательницы? В друзья или во враги? Или принять эту неразрешимость как закон бытия?

Еще пример. Бабушка Белла «из соображений, как ей казалось, безопасности семьи» — уничтожила родословную Гедиминов. Ту самую, которую потом по крупичкам собирала Анна.

И эта же бабушка в войну променяла на хлеб хранившуюся в семье уникальную старинную библиотеку. Кто тут прав? Кого судить? Именем чего судить? Логика бьется меж полюсами горя и гордости, голода и просвещенного достоинства, и не находит выхода. Поэзия — в самой безвыходности находит смысл и видит выход, не поддающийся логике.

Горькая дань просвещенному веку
(Спятил он, что ли?

Оглох и ослеп?):

Всю уникальную библиотеку
Бабка в войну обменяла на хлеб.
Хлеб тот промерзший детишки понуро
Отогревали, в ладони дыша...
Не оттого ли,

литература,

Перед тобой замирает душа?..

Душа замирает, отдавая горькую дань оглохшему и ослепшему веку. То ли он враг тебе, этот век, то ли друг... Век просвещенный и безжалостный.

Это взаимосцепление счастливой связи и фатальной вражды окрашивает уникальной интонацией и любовную лирику Анны Гедымин: «Мы выбрали вражду двух любящих людей».

Если счастье взаимности, то оно пресекается разрывом. Если разрыв, то он-то и таит в себе счастье. Логике тут делать нечего. Для поэзии — самый счастливый шанс: сопрячь несопрягаемое: «И она любила его даже больше, чем он ее не любил».

Вместе плохо, врозь — еще хуже, но врозь — все-таки лучше, чем снова вместе, потому что снова вместе плохо... Выходит, в любви осуществляется закон. Какой? Закон потери. «Ты дорог мне как главная потеря из выстраданных мной когда-нибудь».

Любовь похожа на гибель — именно гибель возвращает любви осязаемость — «И так мне холодно с тобой, так больно! — почти как без тебя».

Что больней? Что радостней? Что сильней? — «Ты мне нужен сильней, чем другим не нужен».

Уравнение неуравновешенностей...

Наконец, финальное: «Так чему ты рад, обреченный мой? Так за что ты благодаришь?»

Благодарить есть за что. Все-таки впервые на протяжении гибельного века входит в жизнь поколение, не прибитое военным временем, не обломанное лагерным режимом, не обкарнанное в выражении чувств ни цензурой нравов, ни цензурой слов. Под мутноватым титулом Перестройки осуществляется, наконец, время, которое чаялось под всяческими хомутами и плахам. Реализуются мечты задавленных и полузадавленных прадедов, дедов, отцов... И можно уже, кажется, задать детям и внукам сакраментальный вопрос: «Ну, так вы, наконец, счастливы?»

Ах, что-то мешает ответить... То ли спазм души, то ли облака в воде, то ли жужжит что-то...

И озеро в пятнышках облаков,
И шмель над зацветшей сливой —
«Кто таков, — спрашивают у меня, — да кто он таков,
Чтоб сделать тебя счастливой?»

Нет, все-таки я спрашиваю: счастье есть? Или нет?

Ах, вопрос сам собой переворачивается от какого-то внутреннего заклятья:

Придавили сердце мое, словно льдиной,
На душе ощущается недород...
Счастье в том, говорят, чтобы быть любимой,
А выходит — наоборот.

А если это «наоборот» еще раз повернуть наоборот — будет, наконец, счастье?

Ах, рецепта хочется? Попробуйте сами:

Счастье близкое такое,
Да осеннее, увы...
Может, хватит на жаркое
С горьким привкусом листвы...

Так чего всё-таки не хватает? Всё вроде есть...

Ах, всё?!

На душе — покой и прохлада,
За окном — умеренный свет.
Вот и все, что для жизни надо...
А для счастья — лишь смерти нет.

Кого же это мы ей напоминаем, с этими допросами о счастье, — мы, дети войн и революций, баррикад и переворотов, химер, миражей и счастливых иллюзий?

А то собираются вместе, прикрывая злобу — участием,
И начинают судить нас, об истине зная немного:
Мол, наше счастье — это, в общем, несчастье,
И мы поплатимся, а они, возможно, помогут.

Мы-то поможем. А вы — неужели поплатитесь?

Счастливый случай: поколение, которое ни за что не поплатилось. Вопреки истории. Вопреки общему ее опыту. Вопреки всему, чего следовало ожидать.

В новом веке (тысячелетии) прочувствовано и записано:

Спасибо, судьба, за неожиданную милость —
Что счастье ко мне так рвалось и ломилось,
Так жадно меня умоляло о встрече,
Что я наконец-то устала перечить.

Как будто очистилась жизнь от коросты,
Как будто сбылись новогодние тосты
И бродит душа по расцветшему раю...
Я знаю теперь, что я многое знаю!

Я знаю, что прошлое было кошмаром,
Что счастье дается случайно и даром —
И лучшим, и худшим, и средней руки,
Всему, что твердили мне, вопреки.

Будьте счастливы — вопреки! Вдруг случай не повторится?

СТИХОТВОРЕНИЯ

Каштаны на Калининском

1978—1984

Огромный, птичий, солнечный, явись!
Какое лето родилось, вскипая,
Какая зелень, синева какая,
Возникнув рядом, за руки взялись!

А суета, твоя тоска и злость —
Как лед речной и трепанье ели.
Но реки сохли и стволы худели,
А лето снова, снова родилось!

Так задержись на миг, остановись,
Зажмурь глаза, чтоб не обжечься светом,
И этим утром, вместе с ярким летом,
Огромный, птичий, солнечный, явись!..

ТРУБНИКОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Дом, где я родилась, потерпел поражение
В битве с новыми зданьями — выше зари.
Даже память моя — только воображение,
Я не помню, как выглядел он изнутри.

Только помню — в нем жили четыре мелодии:
Песня старых дверей, песня старых полов,
Песня старого дворника дяди Володи

и

Песня ветра в трубе, песня ветра без слов...

Остальное нечетко: за стенкой старинною —
Рыжий кот, надо всеми имеющий власть.
Звали старшую бабушку мы Катериною,
А вторая, любимая, Лидой звалась.

Та шутила, кляла свои кудри коварные,
Тоже рыжие — всё их собрать не могла.
Хоть носила «целебные» бусы янтарные,
Раньше старого дома еще умерла.

И теперь переулок лужайкой кончается
Там, где жили мы в доме под номером три.
И торжественный тополь как пламя качается
В рыжих отсветах сильной московской зари.

Ах, какие мы оба калеки! —
Не нисходит на нас благодать.
Даже тощие южные реки
Умудряются море создать,

Даже птицы, проведав про вьюгу,
Забывают обычный разлад,
Собираются в стаю — и к югу,
А весной прилетают назад.

Нам бы свадьбу сыграть честь по чести
Или плюнуть — уйти кто куда...
Полбеда, что не можем быть вместе,
Что расстаться не можем — беда.

Жил-был попугай.
Большой попугай.
Говорящий, к несчастью, довольно редко.
Но однажды случайно открылась клетка,
И в чужие края улетел попугай.

Жил-был воробей.
Смешной воробей.
Какой-то чудака заточил его в клетке.
Но упорхнул воробей и с ветки
Высмотрел в луже съедобных червей.

Людям не спится.
Серы их лица.
Каждый надеется, что не забыт,
Что неожиданно в клетку влетит
Какая-нибудь сумасшедшая птица.

ПРО ВЕРБЛЮДА

Он не живет в опрятных горницах,
Сухой песок ему кровать,
Зато имеет право горбиться
И привилегию — плевать.

МАРТ

Думала — какие там сюрпризы!
Сходен с прошлым новый год Земли.
А под утро крыши и карнизы
Струйками сосуллек поросли...

Ну и что? —

А солнце лижет стену,
Воробьи забыли неуют —
Телевизионную антенну
Облепили дружно и поют.

Бег ручьев — он родственен разбою.
Оценив его величину,
Дворники решили — черт с тобою!
Управдом не знает, что к чему.

Век живу — весна одна и та же.
Неизменен мир, но вижу в нем
Новое, нежданное даже...
Я сама меняюсь с каждым днем.

О любви? — опять не хватит слов,
Да в словах она и не такая.
Вспомни, как звучит, не умолкая,
Колокольня без колоколов,

Как стоит на давнем берегу,
Гулкая от берега до крыши...
Я молчу. И что сказать могу
Громче тишины и выше...

Мы застали природу врасплох
Этим ранним предъягодным летом:
Даже бросовый чертополох
Распылался малиновым светом.

Разноцветные, как петухи,
Ходят волны по зарослям диким.
Здесь теперь происходят стихи,
Сочиненные кем-то великим.

Дальше будет легко и всерьез:
Гриб объявится, ягоды тоже...
А пока — только ярко до слез
И мороз пробирает по коже.

Не жалуйся, кури
в запущенной квартире,
И медленно гляди,
и медленно седей...
Из всех безумных войн,
возможных в этом мире,
Мы выбрали вражду
двух любящих людей.

23

Ничто грозы не предвещало,
На мой непросвещенный взгляд,
Но бабка собрала цыплят
И долго внука поучала,
Чтоб возвращался до дождя,
И он кивал ей, уходя.

Известно было ей одной,
Когда придет холодный ветер,
Когда промчится стороной —
Короче, все на нашем свете,
На этой стороне земной.

Как будто испытыв сама,
Считала смерть подобьем сна.
...Тот мерзлый день (метель, зима,
А был всего ноябрь, начало)
Не только ей закрыл глаза:
Теперь не знаем ни аза —
Нас в поле застает гроза...
Ничто грозы не предвещало...

Мне эти сказочные ели
Еще зимою надоели,
Еще тогда, под Новый год,
Когда не в листьях — даже в хвое
Мы что-то видели живое,
И был восторг и хоровод.

И вот теперь, когда повсюду
Уже не равноценна чуду
Живая, яркая листва,
Вдруг в хвойный лес попасть надолго,
Пусть даже рядом будет Волга!
Ну нет, я против, черта с два!

Так мимолетно все живое!
Опять январь вернет нас хвое,
Недолгий замыкая круг...

И я спешу, пока не тень я,
Быть в центре звука и цветенья,
Когда доступны цвет и звук.

«Как звать? — и смеется. — Зовите Галина.
А вы из Москвы, где не верят слезам?»
И эта накрытая небом долина
На зависть идет ее рыжим глазам.

А эта забытая богом долина,
Пожалуй, не стоит Галининых глаз.
Приходит прохожий, умело и длинно
Галину на море зовет, на Кавказ.

Она улыбнется, теперь уже строго,
И скажет — как будто овеет зимой,
Мол, стоит ли дело? — такая дорога,
Чтоб вновь через месяц вернуться домой.

«Родня моя ездит в Москву, кто не занят,
А я не хочу, раз не ценят в ней слез.
Ну можно ль, скажите, сухими глазами
И небо, и землю увидеть всерьез?..»

ПОЖАР

Колокола... Чтоб ты сгорел, весь свет,
Чтоб ты разринулся и стал таким же жгучим,
Как пламенем окутанный скелет
Избушки, ставшей за мгновенье тучей!

Ведь как бы ни была она мала —
Подобие забытого сарая, —
Но кажется бескрайней эта мгла,
Которую оставила, сгорая.

Но кажется бескрайним этот вой —
Старухи горестной, простоволосой...
И вот уж только дым над головой
Остался от избы, стоявшей косо.

И если в самом деле жизни нет
Старухе без дверей, что отскрипели,
Тогда — чтоб ты сгорел, весь белый свет,
И о тебе вот так же пожалели!..

СОЛНЦЕ НАД СКЛОНОМ

Когда с небес, бледнеющих от света,
Взирает породившая все это
Великая, но малая звезда,
Которой все подвластно: осень, лето,
И как одет пастух в предгорьях где-то,
И как по руслу катится вода,
Мне хочется сказать: «Твой свет причастен
К созданию мира. Знаешь ли ты счастье?»
И хочется в ответ услышать: «Да!»

«Сухой огонь в твоём пылает взоре.
Но посмотри: пастух, что на предгорье,
Вот-вот погибнет — не найти следа,
Его сметет лавина снега, льда,
Рожденная, где скалы с тучей в ссоре.
Скажи мне, знаешь ты, что значит горе?»
И хочется в ответ услышать: «Да».

Тогда спрошу: «Все чувствуя и зная —
Что отгорят к июню краски мая,
Что всяк живущий в срок сойдет на нет,
Что жизнь твоя в любом сравненье — вечна,
Но и она когда-нибудь конечна —
Закатом завершается рассвет;
Как, зная, что и свет, и все на свете —
Твои рабы, поклонники и дети,
Все ж сохранить покой на тыщи лет?»

О, как же я хочу узнать ответ!..

НА ВОЛГЕ

Сосед рыбак. Он вечно сушит рыбу.
Он сильный, загорелый и худой.
Он никогда не ходит по обрыву,
Что вырос на сто метров над водой.

Зачем обрыв — невиданно высокий,
Со всей своей заметною красой?
Куда милее отмель — вся в осоке,
Где ноги — в кровь, коль сунешься босой.

Вот и меня, как с праздничной прогулки,
Из города немыслимых высот
Зовет наш дом в Арбатском переулке.
Там были печи, мыши, черный ход...

КАШТАНЫ НА КАЛИНИНСКОМ

Снова на Калининском
расцвели каштаны,
Снова над Калининским
каштановый салют.
Почвы, удобрения
чужды им и странны,
Каштанам на Калининском,
где асфальт и люд.

Дух в их стройном теле —
на машинном масле,
И лишь в этом каждый
видит свой уют.
Кто-нибудь — философ — подведет.
Но в массе
Каштаны на Калининском
кроной в грязь не бьют.

И коль это правда,
хоть, конечно, странно,
Что дано нам снова
прорасти на свет,
Если стану деревом,
быть хочу каштаном,
Каштаном на Калининском
через тыщу лет.

Мы в силах летать до звезд,
А можем, кто поскромней,
Прожить в самолете час,
Щекочущий, как нарзан.
Но техника — лишь этап,
А в общем, дело не в ней,
И люди это поймут,
Поскольку верят глазам:

Им виден не самолет —
Серебряная строка,
Летящая в синеве.
Поэзии нет конца!
Над смутлой, как хлеб, горой
В небо поют облака,
И липы кидают ввысь
Огненные сердца.

ЕСЛИ

Если город на дымной подушке
Видит снова волшебные сны,
Если лес от корней до макушки
Обновился в припадке весны,
Если вой леденящий и длинный
Бросил в небо затравленный волк
И, снижаясь, косяк журавлиный
Режет воздуха парусный шелк,
Если где-нибудь рядом Иуда
И еще один год за спиной, —
Жизнь идет. Спать спокойно я буду:
Все, что надо, — случится со мной.

ЯРОСЛАВНА

Вот стоит, глядит из-под руки:
Дальше, дальше Игоря полки.

Выжил бы! Она и не в обиде
На удел свой: жди, тоскуй, молись.
Вытянулась, чтобы дольше видеть,
Как стрела, направленная ввысь.

Без него — темней, чем в мрачном сне,
Пусть скорее время убегает...
Но уже бессмертье настигает —
Здесь, теперь, в Путивле, на стене.

ВЕРА

А солдат не вернулся домой
Ни весной, ни зимой.
Не увидел, пройдя сквозь сени,
Как на добром смолёном полу
Под лампадкой, в углу,
Вон — оставили след колени...

Все ждала, не тушила огня.
Глубже день ото дня
Головой уходила в плечи.
И уже не творила хулу,
Только в красном углу
Лик повесила человеческий...

СО СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

Мой дед в саду, не сняв буденовку,
Худющий, но в плечах не мал,
Грызет незрелую антоновку...
Он дедом никогда не стал.

Да нет, я судьбе городской не перечу...
...Выходишь на станции: избы, дымки,
И ветер торопится вдоху навстречу,
Река повторяет изгибы руки,
И старой, богатой, торжественной речью
Приветствуют полдень тугие жуки.

И хочется крикнуть, как радостно в мае,
Как ярко глазам и гудит голова...
Но всё до того меня здесь понимает,
Что мысли излишни, не только слова.

Так вот почему я судьбе не перечу!
Проспекты бесстрастны, лишь ночью тихи,
Но я им на это стихами отвечаю,
И будут стихи...

Я вас люблю, крутые берега,
За то, что суд ваш короток и прост:
Тот, чья в походке не тверда нога,
Срывается, как поезд под откос.

Внизу ревет, гудит девятый вал...
Вдруг спутник мой — обратно с полпути.
И ясен здесь не только кто пропал,
Но тот еще, что струсил подойти.

ИЮЛЬ

Там пахли воздухом подушки,
Там вился белоснежный тюль —
В тухлявом доме, в комнатухе,
Глядящей окнами в июль.

И самый пьяный — что там пьяный! —
И самый ветреный закат
Не усыплял — будил поляны
И тенью прикрывал изъяны,
Все украшая во сто крат.

И все казалось — или правда
Имело призывк высоты...
Там даже грусть была — награда
(И так — века, до листопада),
И даже помыслы — чисты.

ДВОРЕЦ НА ПЕСКЕ

Пусть волны залижут дворец мой как свежую рану,
Его я в минуту отлива построю опять.
А если не будет прибой его стены ломать —
Что строить я стану?..

Ветер весел был и светел.
На заре он солнце встретил.

Вышивая в небе гладью,
Он наделал много петель.

Пролетая над домами,
Слышал, как смеются дети.

Вдруг нечаянно с налету
Он попал в рыбачьи сети.

Что случилось — непонятно,
Но чего-то не хватает:
Люди окна отворят,
но
Ветер в окна не влетает.

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Пели горы, припав на равнину,
Всё о том, всё о том, всё о том,
Что, свой дом и навеки покинув,
Ты душой не покинешь свой дом.

То не горы, то вторило громом
Эхо, выросшее вдалеке.
Пел старик на таком незнакомом,
Но понятном сейчас языке.

Горы созданы верно и крупно —
Не прощаются с местом родным,
Расставанье лишь смертным доступно —
Птицам, людям и водам речным.

КОНЕЦ ГРОЗЫ

Ах, осень! Ведь это спасенье!
Осыпала княжьем добром,
А в прошлое воскресенье
Ночной безгласила гром.

Конечно, мне жалко лета,
Но осенью, в тишине,
Прислушаюсь: где-то, где-то
Ты — думаешь обо мне.

Думал, что я не поклонница франтов,
Думал, что буду хорошей женой...
Чем заслужила, что столько талантов
Подозревал ты когда-то за мной?

Только и помню, что окна и двери:
Хлопали двери — дрожало стекло.
Так мы прощались. Но время потери
Очень нескоро еще подошло.

Время потери... Ты стал — как мечтала —
Франтом что надо, а я — как мечтал —
Франтов любить навсегда перестала.
Глупый финал... Что за глупый финал!

ВЕЗЕНИЕ

Вот оно, мое везение:
На работу к десяти,
День рожденья — в воскресенье,
Так что все смогли зайти.

Ни одной протяжной хворости:
Грипп да сумрачная весть,
Ты пришел и сгинул вскорости,
Не успевший надоесть...

ИДИЛЛИЯ

Свой взгляд, лукавый и зеленый,
Провел седой и опаленный
Рыбак по розовой воде,
Сказал: «Гляди!» — и улыбнулся:
Закат клубился и тянулся,
И края не было нигде.

«Гляди!» — Гляжу. И лодку вижу.
Рыбак на волнах выше, ниже.
Соленым воздухом дышу.
И, вспоминая это слово,
Желаю доброго улова
И долго вслед машу, машу...

Проложу тропу с порога —
Всех прямей, не как-нибудь.
Вдруг она вильнет немного,
Чтобы яму обогнуть.

А потом свернет в низину,
Где под злой пчелиный гуд
Ягод целую корзину
Соберу за пять минут.

Над ручьем склонюсь устало.
Гляну. Вздрогну. Почему
Тропка новая нимало
Не похожа на струну?

Только что же остается
Средь низин, ручьев и ям?
Пусть тропинка вьется, вьется,
Лишь бы путь остался прям.

Я не верую в Бога.
Это, в общем, удача —
Трезвый миг на пиру.
Только жаль, что не будет
Колокольного плача
Надо мной, как помру.

Звук великий и скорбный
Тишину не охватит,
Не прорвет забытье...
Справедливейший купол
Мне молчаньем оплатит
За неверье мое...

Верю делу и другу,
И могучему слову,
Пред которым в долгу.
Не кресту — а дороге,
Вкусу хлеба и крову.
Что ж поделать могу?

Как ни страшно подумать,
Что в конце посмеется
Тишина надо мной, —
Не меняется вера,
Вера не продается
Никакою ценой.

Под утро, вдруг, взметнулось, точно крик,
Прозрение, что ты почти старик.

Я выскочила прочь, в туман, в траву,
Сама себе страшна, невыносима,
Как мысль, что я тебя переживу
И буду, может быть, еще красива...

И с той поры в спокойствии твоём
Я чувствую геройство, боль и милость...
Благодарю, что мы еще вдвоем!
Прости... Прости! что поздно появилась...

А правда одним-одна,
Как темная в поле хата:
Чем больше твоя вина,
Тем больше моя расплата.

Была бы всю жизнь скупойо
И думала, что бедна,
Не зная, чего я стою,
Когда б не твоя вина.

Как же мука была велика
Без движения, звона и влаги,
Если вдруг появилась река
В этом старом недобром овраге!

Ныли мухи, взбегала трава,
Засыхала по южному склону.
Липа древняя, еле жива,
Ниже, ниже склоняла корону.

Ни дыхания, ни сквозняка...
Но пробившийся ключ не в обиде —
Слишком мука была велика
Жить и белого света не видеть.

Может, в этом и есть благодать —
Чтобы, словно в пожатии рúки,
Повстречались две равные муки
И не быстро отвыкли страдать?..

Это много? — Конечно, много:
Как случится — весной, зимой —
Все шагаешь. Твоя дорога
Тем загадочней, что домой.

На чужбине темно, тревожно,
Все мерещится лед в тепле...
Только дома понять возможно,
Что творится на всей земле.

Пусть мы будем судьбой любимы
Лишь настолько, чтобы вовек
Нас не встретил огнем чужбины
Дом наш главный
и человек.

Когда-то на кромке вокзала,
В коричневых пыльных клубах,
Я горькое слово сказала,
И горечь с тех пор на губах.

Разлука давно пролетела,
А с ней пролетела печаль,
Но вдруг еще сделает дело
То, давнее слово «прощай»?..

Что существует икебана,
Не знал и мне принес букет,
Без приукраса, без обмана
На миг затмивший целый свет.

Я тот букет забыть не смею:
Любовь — пурпурный, желтый — ложь...
Как несуразностью своею
Он был на жизнь мою похож!

Зато даривший был неярок:
Он скучно думал, пел, ходил,
И полный мудрости подарок
Его лицо загородил...

Если целый свет не свят,
Если грустно до бессилия,
Я миную улиц ряд —
На Блаженного Василия
Приподнять блаженный взгляд...

Приди, мой враг. В окно глазей,
Стучи в него сквозь вздохи вѣтров.
В моей каморке десять метров
И десять душ моих друзей.

Но враг хитер, чем я горда,
Он ждет, предчувствуя победу,
Когда друзья мои уедут
В свои чужие города.

Махну им вслед. Рука — что лед.
Вернусь, запрусь и онемею...
И вот тогда...
 он не придет.

БАБЬЕ ЛЕТО

Благое, нежаркое льется,
Минуя листвы нищету.
О, пусть этот день остается
На жизненном нашем счету!

Мы все в доброте и покое
И зла не желаем врагу...
Прозрачное время такое —
Как вдох — до краев — на бегу.

Сегодня мы чистые люди,
Без лжи, суеты и прикрас.
Такими нас пусть не забудет,
Кто вздумает помнить о нас.

А осени щедрой неймется,
Хоть счастье с натуры пиши...
Благое, нежаркое льется —
Как будто из каждой души.

СОРНАЯ ТРАВА

Пожнем плоды, сочтемся славою,
Падет злодея голова...
Но любит жизнь свою неправую
На поле сорная трава.

И в ней запрятана душа,
Которой радостно и больно,
И страшно — чувствуя, дыша,
Злодейство совершать невольно.

В траве кузнечики звенят,
Край поля ветерком измят...
Сил не хватает у нее
Прервать преступное житье.

— Ты знаешь, что такое свет? —
Спросил меня слепой сосед. —
Он, как далекий теплый звук,
Прокалывает тьму вокруг
Навеки, на мгновение... Нет,
Не знаешь ты, что значит свет!..

А снег идет, идет, идет,
Проходит день, проходит год...
Слепой сосед, не можешь ты
Увидеть в иное кусты,
И странный улицы виток,
И ржавый на двери замок...
В пустые окна бьет зима...
Не знаешь ты, что значит тьма!..

Кому какая послана хвороба:
Один труслив, другой некрепко спит,
Кому-то предстоит любовь до гроба,
А нам с тобой — разлука предстоит.

Но этот город так неузнаваем
В июне — моложавостью своей!
Давай с тобой понеподозреваем,
Что будет!

Мы распрощались. Милый!
Милый,
Нам не гореть в одном огне.
Зачем же с ощутимой силой
Ты вспоминаешь обо мне?

В горах — не снег, не шум обвала
Гремит отвесно по стене.
Там боль твоя заночевала
И утром бросилась ко мне.

Ушла жара тропой степною,
Задув, как свечи, все цветы...
Я чувствую — не дождь со мною,
А ты бредешь. И плачешь — ты.

Помогают жить друзья,
Продлевают жизнь долги,
И без недругов нельзя,
Так что бог им помощи.

Нужен час, чтоб гомон стих,
И таких мгновений нить,
Чтобы можно было их
Только с музыкой сравнить.

Нужен день, закат его,
Милый голос, милый край...
А без этого всего —
Хоть ложись и помирай.

Ложная осень

1985—1988

Нет, никогда — среди пурги,
В людском иль водном шквале —
Мои друзья, мои враги
Меня не предавали.

А жизнь пытала их кругом —
То лаской, то испугом.
Но оставался враг врагом,
Друг оставался другом.

Мне повезло как никому,
Одной на всю округу!
Я руку верным людям жму —
Врагу и другу.

Метель сатанеет, как волк, а не птица,
И улицы бьет, не ласкает...
«Смоленская»... Как моей жизни ни виться —
Отсюда она вытекает.

Бываю порой у беды на примете —
Не пишется, не говорится,
Но Старый Арбат существует на свете,
А стало быть, жизнь моя длится.

Пронзителен воздух, дымки застывают
Над старой арбатской пекарней...
И жаль, что значительней жизни бывают —
Не жаль, что бывают шикарней...

Ты женщину эту любил.
Да так, что и ей, и тебе
В соседних московских домах
Сны общие снились.
Ты женщину эту любил,
Хоть зрел в ее взоре размах —
Могучий, неженский размах,
И черти водились.

Теперь от тебя вдалеке
Мне страшно:
Встают надо мной
Те сны, что ты взял у нее
И отдал мне с ходу:
Как плыл атаман по реке
С молодой персиянкой-женой,
Как, ропот слышав, ее
Он выбросил в воду...

ПОДМОСКОВНАЯ ВЕСНА

И воздухом дышу, и вешним птицам внемлю,
И с каждым днем все горше и родней
Отвага стариков, что жадно любят землю
За миг до расставанья с ней.

Так снег темнеющий, весну превозмогая,
Последней вьюги ждет. И в ожиданье соль.
О грусть прощальная! Что рядом с ней любая
Сулящая выздоровленье боль!

А когда началось волшебство —
Пропиталась весною погода, —
Застонал у окна моего
Тополиный урод-Квазимодо.

Кто-то ветки решил обрубить,
Замер ствол неказисто, тревожно:
«Разве можно меня — полюбить?..»
И ответить ему — невозможно...

Будто видела — помню об этом дне:
Говорили: «Красные входят в город».
Это предок мой на гнедом коне
Мчал за криком своим, разорвавшим ворот.

Победитель! Его не задержит лес,
Не сломают ветра, не утопят реки...
Но другой мой предок наперерез
Выходил — остаться в бою навеки.

Два врага погибли — и две строки
Родословная вносит в свои скрижали.
До сих пор сжимаю я кулаки,
Вспомнив предков — чтоб руки не так дрожали.

Я поповская правнучка — и княжна,
На конюшне прапрадед мой был заперот...
Так — о боже! — что чувствовать я должна,
Если снится мне: красные входят в город?..

Соседка моя не любит,
Когда я не на работе,
Она считает, что люди
Должны быть в вечном замоте.

От праздности все ошибки —
Разводы и войны то есть...
Лишь стрекот моей машинки
Может ее успокоить.

Послушает — скажет: «Я рада,
Печатаешь ты прекрасно,
Прокормишь себя, если надо...»
И в этом я с ней согласна.

Вот книг не читает — газеты...
Что ей подарить на праздник?
Разве платок многоцветный?
Круглую брошку разве?

В ответ она только морщится —
На что ей эти обновки!
Соседка моя — уборщица
В книжном на Серпуховке,

Где были витрины в саже,
Теперь — «в состоянии рабочем»,
Где книг моих нет в продаже,
А очень зря, между прочим...

О, как друг друга мы напоминаем!
Лишь улыбнись да легкое надень
И выйди в сквер —
один из милых скверов,
Где радио играет в пустоту
И множество героев-пионеров
Стоит на несменяемом посту.

В жертву принес,
 словно буйвола иль барана,
Сердце мое
 (только в жертву чему — не ясно).
Как нестерпимо
 всю зиму горела рана!
Недруги жили
 при свете ее — прекрасно.

А по весне,
 только грянули птичьи спевки,
Лужи вскипели
 от солнечного сиянья, —
Белую розу,
 как флаг на колючем древке,
Мне подарил
 в знак согласия и покаянья.

Понял, что рана
 грозит затянуться к маю,
Душу мою
 за загривок схватил матеро...
Знаешь, теперь я,
 мне кажется, понимаю,
Как, не стыдясь,
 убивают парламентаря...

Кабы не быть нам с тобою невеждами,
Мы бы, конечно, ответить смогли,
Что за пичуги своими одеждами
Землю осыпали — как подожгли.

Перья — как листья, на смерть обреченные,
В страхе прижались к подножьям дерев...
В орнитологии не просвещенные,
Замерли мы и глядим, замерев.

Будто бы времени стрелка железная
Поторопилась окончить виток...
Ложная осень — штука полезная:
Предупреждение, первый итог...

И птичьи голоса, и летних крон завеса...
Над ними, в вышине, возможны небеса,
Но их не разглядеть среди густого леса,
Так заросли плотны и птичьи голоса.

О лиственных лесов природное уменье —
Жить, сумраком своим предполагая свет!
И не нужны слова, бездарные в сравненье
Со звуками в душе, каким названья нет...

Враждебная, с челкою черной
И взором — острее огня,
Считайте себя отомщенной:
Он больше не любит меня.

Он где-то, он — птица на ветке,
Его не удержишь в руках.
Уж месяц как смолкли соседки
Про губы мои в синяках.

Я знаю, бестактно...
Но вы же
Прошли до меня этот путь...
Как жить? — научите. Как выжить! —
Когда ничего не вернуть...

Я уеду в те края, где травы
Высятся на равных меж людьми,
Где не жжет лица желанье славы,
Требующей холи и возни.

Там я поднимусь и впрямь высоко —
Не в мечтах — застыну на юру.
Там я вспомню, что такое склока,
Только из-за галок поутру.

Мне протянут руки дождевые
Запросто седые небеса.
И тогда я, может быть, впервые
В жизнь вращу, как травы, как леса...

Но петух воскликнет троекратно —
Я вернусь, мой путь в иных мирах,
Потому что дом зовет обратно,
Даже если дом на ста ветрах.

Так что здесь мне жить (глядишь — не струшу)
И не просто цели не терять,
А стараться травяную душу
С беготней столичной примирять.

Мы похожи с ней.
А глаза и брови —
Ну один к одному!
Я ли ей не родня!
И походка, и рост...
Что до польской крови,
Так и это есть у меня.

Придавили сердце мое,
 словно льдиной,
На душе ощущается
 недород...

Счастье в том, говорят,
чтобы быть любимой,
А выходит — наоборот:

Я завидую ей —
той, что родом из Польши,
Ей, старухе,
которой один лишь был мил,
И она любила его
даже больше,
Чем он ее не любил...

Жалела: у них ведь дела,
Свободного времени мало...
Старалась она, умирала,
Да все умереть не могла.

И плакала старая мать
От горькой такой незадачи,
Уж сил не имея сказать,
Что не о себе она плачет...

Южный город. Мешкаю нарочно,
В призабытый дом не заходя.
Так же пахнет зеленью истошно
После мимолетного дождя.

И как в детстве спелою черешней
Можно любоваться задарма...
Только с каждым вечером поспешней
Падает светило за дома.

Вот зачем ты, южная природа,
Зазываешь вновь под купол свой! —
Чтобы дать увидеть: год от года
Все короче день мой световой.

Что ж, коль нет к минувшему возврата —
Будем греться нынешним огнем.
Жизнь — как неизбежная утрата —
Ты еще желанней с каждым днем!..

Там, где окон орденские планки
На полнеба сокращают вид,
Где деревья стрижены как панки —
Три утра. Столица крепко спит.

А у нас уж полдень.

Жадный клёкот
Чаек, атакующих прибой...
Стоило ли ехать так далёко,
Чтоб отсюда говорить с тобой?

Чтобы здесь, в долине ярко-синей,
Осознать, что дело мое — швах,
Ибо нет умнее и красивей
Даже на Курильских островах...

А воды и неба здесь излишек,
В километрах мерим глубину...
До свиданья.
Поцелуй детишек.
Не печалься!
Приголубь жену...

Дни осенние итожа,
За грибами мы пошли.
Путь — царапинка, а кожа —
Влажно-лиственная кожа
Золотой еще земли.

Где расходятся клубами
Над запрудой облака —
Наклоняться за грибами,
Трогать ягоды губами,
Забродившие слегка...

Коль без нашего участия
Столько выросло всего —
Как на свете много счастья
Невостребованного!

Счастье близкое такое,
Да осеннее, увы...
Может, хватит на жаркое
С горьким привкусом листвы...

Это мощней, чем цунами
Или по склонам снега:
Ты подойдешь — и меж нами
Вспыхнет электродуга.

Пламя забродит, засвищет,
Прошлое выжжет дотла...
Нет, на чужом пепелище
Я бы прожить не смогла.

Тихо, как свечку, задую
В сердце проросток огня...
Если полюбишь другую —
Ты ей не мсти за меня...

Желтый, малиновый, голубой
Пламень средь бела дня...
Осень похожа на смертный бой —
Тот, что не про меня.

Мне ли в огонь! Я давно сама
Гибну, беду трубя...
Осень! Мне застила душу тьма —
Та, что не про тебя...

Ты посмеялся бы надо мной,
Если б узнал.

Но порой осенней —
Как я боюсь за тебя, родной! —
Обид твоих, насморков, потрясений.

Нас не разлить никаким дождем,
Сдвоен наш путь, словно залп дуствольный...
Только куда ж мы опять идем
По жизни этой высоковольтной?..

Воцарилась осень — туман клубя,
Серебря под утро стволы и лужи...
Мне с тобою плохо, но без тебя —
Хуже.

Мне плевать, что сумерки хороши,
Что пьянит дубрава листвою лежалой...
Ты сказал, что нет у меня души? —
Да, пожалуй.

Я приду домой, не зажгу огня,
Заскребется мышь под диваном тихо...
А душе, хоть нет ее у меня,
Лихо.

Осенний лес отлит
из цельного куска.
Не золота ль?
Да может быть, не знаю.
А знаю, что зима
тем более близка,
Чем птицы больше любят стаю.

Не властна даже мысль
иль кровное родство
Сплотить сильнее общих потрясений.
И только человек —
чуждое существо:
Ни золота,
ни стаи в день осенний...

НОЯБРЬ

Как шапка на ворé
Горела крона дуба,
Горело все вокруг,
Спаслась одна лишь ель.
Вдруг ветерок подул
Не ласково, а грубо
И отшвырнул огонь
За тридевять земель.

Умолкли деревья
На порыжелой круче,
И воды унесли
Червонную их масть.
И вот уж из глубин
Знобящей мраком тучи
Высматривает снег,
Куда ему упасть...

ПИСЬМО В ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ

Как там в море?
Затихло на полчаса?
Или без перекуров,
как прошлым летом,
Подымают волны под небеса
Купола свои,
позолоченные лунным светом?
Каждой птице — свой берег и свой полет,
И любовь —
иль почти смертельное безлюбье.
Но не даром душа
океанские ветры пьет,
Как теленок — зажмурясь, взახлеб —
молоко коровье.
Неужели правда —
как хочешь тут назови —
Не инстинкт, не извечная жажда,
а что-то вроде
Первобытной памяти соли —
той, что в крови, —
Схожей только с памятью тела
о материнской утробе?
О зеленое поле и желтой тропинки нить!
О лесное молчанье,
раздумием налитое!
Их нельзя с океаном
воочью соединить,
И поэтому, верно,
на сердце и нет покоя.

Прелегает извиристо
наш торопливый путь
От родства — до родства,
остальное все — мимо, мимо...
Может быть, потому
успеваем хоть что-нибудь
За короткий свой век,
уходящий неумолимо...

Жива. Но какую ценою!
За полчаса
До шага к тебе замечается путь мой снегами.
И чую, как над головой болят небеса,
Земля болит под ногами...

И стоит мне сделать шаг, полшага иль треть —
Отпрянет тропа иль ветка падет в обиде...
Увидеть тебя мечтала — и умереть!
Но как мне тебя увидеть!..

Живи в своей пустыне,
Забудь меня, забудь...
Уж хлопья золотые
Пустились в поздний путь.

Им легче, сбившись в стаю,
Срываться с высоты.
Их тоже забывают:
Деревья, и кусты,
И птицы — те, чьи гнезда
Лелеяли они...

И вот сухие звезды,
Сердечки, пятерни
Слетают мне на плечи...
У нас одна беда:
Мне тоже в стае легче
Прощаться навсегда...

Теперь живу, предчувствиям не веря,
Ведь мне казалось — неделим наш путь.
Ты дорог мне как главная потеря
Из выстраданных мной когда-нибудь.

Но я горда свободой, как обновкой,
И за три года вижу в первый раз,
Что легкий снег висит над Серпуховкой,
А у метро, среди толпы неловкой,
Прохожий проплывает стилем брасс.

И кажется, что и во мне причина
Зимы, метели, мерзлого стекла...
Вот сколько за тебя я получила!
Вот сколько за тебя бы отдала!..

...И вернутся собратья в земной уют,
Безнадежно прощая мои долги...
Заметут меня вьюги, дожди зальют,
И забудут друзья, а потом враги...

По веленью привычки иль колдовства,
И тропа моя — рыжая, словно мед, —
Позвонит — и уймется, как тетива,
Отославшая душу мою в полет...

И тогда меня вспомни (не вспомнишь, нет!),
Глянь, как светятся воды Москвы-реки!
Миновал человек — остается свет,
В подтвержденье надеждам — и вопреки...

Черная стрекоза

1989—1991

Лес предзимней зиял пустотой...
Помню слякоть и чувство тревоги,
И отчетливый куст золотой,
Голосующий у дороги.

Вроде выболела до дна
Эта осень.

И нате вам — милость!
Но из тысячи душ ни одна
В странном месте не притормозилась.

Вот он — миг, предвещающий крах!
Ох, припомнит судьба нам истица,
Как молили о мелких дарах,
Чтобы мимо щедрот проноситься!..

Я ее увидала —
и ну протирать глаза.
Но она не исчезла,
напротив даже — взбодрилась.
В общем, страшное дело:
черная стрекоза,
Черный крест,
по моим понятиям — божья немилость.

Я помчалась к людям,
спасибо путь недалек.
А когда прибежала к знакомым,
ломая ветки,
Мне сказали, что не стрекоза это —
мотылек,
В полосе нашей средней
не особенно редкий.

Полоса моя средняя!
Очень уж непросты
Твои долгие будни,
а праздников мелки дозы.
Может быть, оттого,
что чернеют эти кресты —
Не особенно редкие
мотыльки да стрекозы?..

Вижу цветные сны:
Млечной тропой надпорото,
Небо там, словно днем,
Льет золотистый свет.
Там ни одна весна
Не пролетает коротко —
Тянется, точно мысль,
Сколько захочешь лет.

Там горяча роса!
Там земляника вызрела!
И до земли — лучи,
Спутанные с травой...
Но не понять никак
На расстояние выстрела,
В птицу — или в тебя
Целится верховой.

МЕСТЬ ТАМЕРЛАНА

Где нам древних понять!
Ведь, в конце концов,
Нам давно на святыни плевать.
Но послушай все же...

...Стаи гонцов
Созывали тучную рать,
Чтобы выкрикнул баловень всех грехов:
«Если мой потревожат прах,
Не позднее чем до утренних петухов
Разольется над миром страх!
Будет горе на множество лет и стран!
Небо вычернят облака!..»
Так сказал Тамерлан.
И усоп Тамерлан.
И без снов пролежал века.

Осторожное время, мудрей совы,
Тихо здесь совершало путь...
Но пришли археологи из Москвы
В неприступный склеп заглянуть.
Самый младший русым был, молодым,
Старший — с виду вроде бурят.
Пили чай зеленый,
Пускали дым
И не ведали, что творят.

Но сходились узбеки со всех сторон.
Но закат был в тот вечер вял.

Но вселенский ужас,
Вселенский стон
В черно-бурых глазах стоял.

Все окончилось за полночь.

Как пятак

Прикатилась луна в зенит.
И сказал самый младший:
«Что-то не так, —
Люди стонут, в ушах звенит...»
А приятель, зевая:
«Да ну их, плюнь!
В самом деле — чудной народ...»

Было двадцать второе.
Месяц — июнь.
На земле — сорок первый год...

Не паникуй, мой друг, пройдет и это.
Невероятно, чтобы не прошло.
Ночь миновала, пронеслась комета,
Наш век — и тот отходит тяжело.

А за пределом жертве высшей меры
И праведнику — рядом зимовать...
...Вот если души все-таки бессмертны,
То есть, из-за чего паниковать...

Грузинский храм, как перевод подстрочный,
Понятен слабо, глубь его тиха.
Но ясно, что он тоже добр — восточный
Чернявый Бог, зачатый без греха.

Средь стариков спокойных, бурокожих,
Запрятанных в молитву далеко,
Один стоит — намного всех моложе —
И на икону смотрит нелегко.

Он не урод и не последний в стае,
Его невеста в гулком доме ждет...
Но что же он так яростно желает
Чужой жены? И так легко крадет?

«О Господи, — он думает, — я грешен!
Ведь коль меня посмеют оскорбить,
Я не стерплю, не выдержу насмешек,
Я просто не сумею не убить!»

Он замирает, на коленях стоя:
«Мне радостен пожар чужих дворцов!..»
И обращает Бог к нему сухое
Прощенье. И — разбойничье лицо.

Небесная молочница
 не очень вникла в суть:
Да, поспешила чуточку,
 бидоны расплескала...
Но до того, что в небе
 разлился Млечный Путь,
Ей было — ну поверьте! —
 и вовсе дела мало.

Вся жизнь — сплошные хлопоты,
 неженские дела:
Мать старая, муж — пьяница,
 похоронила брата...
А то, что прямо к Богу
 тропинка пролегла,
Так в этом — ну поверьте! —
 она не виновата...

Я люблю тебя,
Как северное сиянье
Любит северную землю.
Это ж надо —
Проснуться ночью
И засиять,
Чтоб едва помянули в сводке погоды,
При том, что вечером были гости,
На улице стужа,
И начальник у меня
Старой закваски
И приходит на службу
Раньше дести утра.

Я люблю тебя,
Я — ответственный квартиросъемщик,
Бывший старший по подъезду
И бывший же — в третьем классе —
Председатель совета отряда.

Я люблю тебя,
Хотя от этого чувства
Стихи мои, как видишь, зачали,
А ведь я через них дышала.

Я люблю тебя!
И поэтому,
А также по всему остальному,

Сияю в московском небе
Над северным твоим лицом
И ничего тебе
Не прощаю.

Век двадцатый, последняя треть,
Годы медленного паренья...
Чтобы жить и на небо смотреть,
Нам отпущено смутное время.

Мы на драку сегодня легки,
Много злобы, видать, залежалось.
И не в моде любовь и стихи,
И жестокость сподручней, чем жалость.

Но приходит в тревожные сны
Мысль одна (что поделаешь с нею!):
Благодарность и чувство вины —
Это лучшее, что я умею...

Упасите от боли,
От страхов моих и мучений,
Вы — в ветряночных пятнышках
Небо и город вечерний!

У других, если родина —
Значит, луга, перелески,
У меня — коммуналка,
Арбат сквозь дыру в занавеске.

К небоскребам воинственным,
Правильным, словно воззвания,
Так уютно и хижинно
Жмутся старинные зданья!

Пусть других — тишина,
Предосеннее тучное поле,
А меня — звон трамвая,
Толпа — упасите от боли!..

Встаем на восходе.
Восхода червонная мякоть
Теплее на юге,
но ярче в России зимой.
И трудно понять,
то ли хочется петь, то ли плакать,
И близкое небо
чрезмерной чудит крутизной.

Постой, не чуди.
А не то — сколько раз уж бывало! —
Прольется на землю
горячий рубиновый цвет.
Конечно, красиво.
Да только Россия устала
Быть главною жертвой
своих же великих побед.

ПАМЯТИ ПОЭТА СЕРГЕЯ МОСКВИНА

Не отведав вовек дефицита,
Не услышав про новый Совмин,
Без лекарства с пометкою «cito»
Шумно отбыл Серега Москвин
За границу любви и прощенья,
Непременную в каждой судьбе,
Не имеющую отношенья
К «Интуристу» и КГБ.

Жил темно и грешно, не играя,
Шел ко дну вместе с этой страной.
Он ли не дослужился до рая
Беспросветностью жизни земной?

Я сумела бы слогом нескорым
Рассказать про такое житье, —
Жаль, опять по кружкам и конторам
Не на шутку засело жлобье.

Да, поэзия, кто-то при деле,
А иных — «задавила среда»...
Твой апостольский корпус редееет...
Впрочем, так ведь и было всегда.

Тем важней, и страшней, и дороже
Узнавать, по веленью судьбы,
Этот медленный холод по коже
С каждым звуком небесной трубы.

Значит, в бой подыматься нам снова
И за всех догоревших в пути
Пронести наше гордое слово
И удачу свою пронести.

КОНЕЦ СВЕТА

Зря кручина замутилась дали —
Близок, мол, нерадостный финал,
Зря над нами ангелы рыдали —
Ведь живем, хоть он уже настал.

Только уж не волка, не изменника,
Сеющего тьму и клевету, —
Нам теперь собрата, соплеменника
Страшно встретить ночью на мосту...

Все видится река,
И август, и жара,
И у любви дела неплохи...
Зачем мне понимать,
Что это — мишура!
Зачем не умереть на вдохе! —

Покуда жизнь моя
Не сорвалась на крик,
Пока сады не оскудели,
И ты еще со мной,
До поцелуя — миг,
А до разлуки — две недели...

Ветра нет, но зябко у воды,
И деревья смутны, как во сне...
Может, нынче свет моей звезды
Наконец дотянется ко мне?

Даже не очнутся берега,
Только сердце грохнет в тишине,
И у закадычного врага
Пробегут мурашки по спине...

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ВЕСЕННЕМ ПАРКЕ

Беседка, девушка с веслом,
В реке — обмылки льда...
Как много создано на слом,
Как мало навсегда!

Уйдет, как вешняя вода,
Твоя любовь — моя беда,
И вновь разлука — навсегда,
Надежда — навсегда...

ВОПРОСЫ

Когда его проклял друг и родня,
Она, погрузнев, спросила:
«За что ты, чужак, полюбил меня?
Ведь я совсем не красива...»

А он улыбнулся в ответ и сказал:
«За все: за походку, голос, глаза».

А годы спустя, на исходе сил,
Она рванулась в вопросе:
«За что? За что ты меня разлюбил!
За что, окаянный, бросил!»

А он усмехнулся в ответ и сказал:
«За все: за походку, голос, глаза».

Я больше не ищу подтекста в слове,
Я больше не дерусь до первой крови
С незлобною, но взбалмошной судьбой —
Мне поздно затевать не-смертный бой.

И пусть моя дорога прямовата —
От жгучего восхода до заката
Умеренного (уж само собой),
Я не хотела б смертника найти,
Что помешал бы мне по ней пройти.

Бабье лето, золотая заплата
На не очень-то цветистой судьбе...
Почему же ты, душа, не крылата,
И болишь, и не поется тебе?

Почему так непременно, хоть тресни,
Ждешь ты пасмурного дня без прикрас?
...Долетят до неба голые песни.
Будет снег. И — ничего про запас...

Сегодня...

Сегодня я вовсе не вижу света,
Мне — нет, не зябко
и мало того что темно,
А если «больно» сказать, то это
Будет выглядеть жалобно и смешно.

Нет, мое «больно» — иного сорта,
Его не купишь у ведьмы из-под полы.
Оно, издеваясь, гонит вдоль порта
Огромные пенистые валы.

Когда это «больно» стоит в дозоре,
Замри,
на подсохших губах ощущая соль.
А если выйдешь из дома,
не то что в море —
Исчезнешь сразу,
не успев прочувствовать боль.

Итак, сегодня...

Вырву листок из блокнота
И напишу поспешно,
аж искры вразброс:
«Ушел — так беги.
Или сгинет твоя пехота,
И поезд твой дальний
ударится под откос».

Ну да, и мне знакома тяжесть муки —
Ни слова молвить, ни расправить плеч...
И все же мы не умерли в разлуке,
Так о какой любви, ей-богу, речь!

Любовь бы так легко нам не сошла,
Мы не оправились бы от недуга —
Как два худых, истерзанных ствола,
Которым не подняться друг без друга.

...А в случае предательства, навета
Или когда терпенье подвело,
Спасаясь, дезертируют со света,
Неотомщенным недругам назло...

Конечно, в рассуждениях толку мало,
Но есть, хоть это многих разозлит,
Уверенность, что друг поймет устало,
И некоторый шанс, что Бог простит.

Но будет мама, средь Вселенной стоя,
Растерянно стареть и звать — за всех...
И не увидишь вечного покоя...
И всякий смысл теряет смертный грех...

Гляну в окна, второпях протертые:
Даль слепа — ни звезд, ни фонарей.
Как зияют ночи, распростертые
Над Москвой измученной моей!

Над Москвой заплеванной, израненной,
Начисто разграбленной жульем,
Над моею, папиной и маминой,
Уходящей в прошлое живьем...

Друга, а порой — злодея явного
Щедра ты пускала на постой,
Съеденная изнутри, как яблоко,
Резвою кремлевской лимитой.

Источила вековые здания,
Как слеза, весенняя вода...
Но в России любят за страдания —
И людей, и даже города...

Умерли руки.
Мысли оделись льдами —
Где ты? — капают. — Где ты?
Неужели в разлуке
Глаза привыкнут с годами
Различать силуэты?

Вдруг возникли из небытия
Тыщелетней давности друзья...

Помнят обо мне — скажи на милость!
Снова учат жить — напрасный труд.
Говорят, что мало изменилась, —
Это мне приятно, хоть и врут.

И включаюсь в привычную игру,
Спрашиваю про детей, начальство,
Говорю, что вспоминала часто...
И самой приятно, хоть и вру.

Посреди московского быта
Первый снег летит на траву...
Где была тобою забыта —
Там до сей поры и живу.

На душе — покой и прохлада,
За окном — умеренный свет.
Вот и все, что для жизни надо...
А для счастья — лишь смерти нет...

О как новогодне звезды горят
Над крышей дивной страны!
Но что-то, на мой искушенный взгляд,
Ночи слишком темны.

И вроде бы выпит бокал до дна,
Чтоб жизнь была хороша...
Но глухо, как в худшие времена,
Покоя просит душа...

А в последний месяц ей ночами
Снился сына усмиривший бой...
Просыпалась. Воробьи кричали.
Свет стоял в окошке голубой.

Под конец уж не спала — устала
Видеть кровь, чуть скрытую травой.
Всё-то письма мятые читала,
Щупала всё орден боевой.

Вдруг затихла... Сполохами лавы
Плыл закат... Когда ж и он погас,
Красною Звездой солдатской славы
Вперился в нее голодный Марс...

Душноватые, буйные, дальние дни
Ты прости мне, о Господи, и сохрани!

Пусть развеется начисто, как болтовня,
Что в недуге и горе он предал меня!

Ты прости ему низость и трусость — прости,
Он — за давностью боли — безгрешен почти...

То глядит застенчиво,
То смеется в голос...
Для любимой женщины
Тридцать лет — не возраст.

Скажут — деревенщина,
Скажут — неумеха,
Для любимой женщины
Это не помеха.

Полыхнет рябиною
В сорок с новой силой...
Ну а нелюбимую —
Господи, помилуй!

Жизнь пустынное, чем казалось,
И мгновеннее, чем хотелось.
С каждым днем заслуженной жалость,
Осмотрительней смелость.

Дни бегут, как мороз по коже,
Все чувствительней и короче.
Я пойму, намекни мне, Боже,
Ну чего же Ты хочешь?..

Мысли лучшие сгинули втуне.
Потому средь изношенных скал
Одичавший мой ангел лютует —
Он меня узнавать перестал.

Сильных чувств я люблю проявление,
Пусть мурашки ползут по спине.
Он не просто исчез в отдаленье —
Значит, равнодушен ко мне!

Но меня-то на всё не хватает...
Жизнь, хоть ты отдохни, не кинжаль!..
Нет же, мучает, не отпускает.
Тоже равнодушна. А жаль.

Подруг все больше, а врагов все меньше —
Ох, этот признак зрелости у женщин!
В нем ужас отраженья в зеркалах
И светские беседы — вот уж страх!
И вряд ли в расстоянии причина
Того, что я почти неразличима
В твоих глазах...

А наказание выпало мне проще:
Не ложь, не воровство,
Не темная ощеренная площадь —
Как будто ничего.

Лишь мысли свищут, целая обойма,
Не до смерти губя.
И так мне холодно с тобой, так больно! —
Почти как без тебя...

Предчувствие тепла...
Мы были так живучи,
Что можем представлять
Научный интерес.
И смутно на душе.
Так праведника мучит,
Привыкшего к земле,
Предчувствие небес.

А может, мы и впрямь
Диковинной породы?
Иначе кто бы смог,
Удачей не храним,
Не зная ни любви,
Ни Бога, ни свободы,
Прожить изрядный век
Предчувствием одним?..

Измучаю всю комнату шагами,
Глаз не сомкну — как помышлять о сне,
Когда весна в коротком птичьем гаме
Рождается в окне!

И нет на сердце места ни обиде,
Ни холоду, забытому уже...
Так и любовь, похожая на гибель,
Рождается в душе.

Честолюбивая молитва

1992—2002

Нет, мудрость нестерпима. Зная меру,
Я, кажется, ни шагу не пройду.
Зачем тогда мне было брать на веру
Оброненное в пьянке иль в бреду,
Влезать в долги, не слушаться советов,
Гулять в грозу...

Чтоб к тридцати пяти
Из возраста спортсменов и поэтов
В прозаики и тренеры прийти?..

.....
По осени нет тяги к суесловью.
Крепчает страсть к насиженным местам,
И горечью, панической любовью
Мы непривычно платим по счетам,
Взгляд отпуская в небо — за подмогой.
И с каждым мигом прошлое ясней —
Единственной — Млечную — дорогой
И нестерпимой мудростью своей...

Я засыпаю,
 когда отцветают звезды,
Светлеет небо,
 а в доме еще темно,
И окна ближние,
 по-утреннему серьезные,
Смотрят прямо
 в мое легкомысленное окно.

Проснешься за полдень,
 вся жизнь никуда не годится...
Но в пыльной Москва-реке
 купола сияют вверх дном...
И думаешь: Господи!
 Спасибо, что надоумил родиться
В городе,
 где такой пейзаж за окном!

Такой синий,
 такой золотой и белый!..
Теперь, судьба моя,
 ты, без промаха и стыда,
Карай, обманывай —
 что хочешь со мною делай,
В душе залатанной
 эта музыка — навсегда.

И даже если
 смерть все-таки существует, —
Все относительно! —
 она щемяще мала,
Как памятник временный,
 пристроенный к Москве на живую,
Как зыбь на воде,
 отражающей купола...

Над русским полем сумрачно и голо,
Тоскует птица.
И небо сыто душами по горло,
А бой все длится.

Опять беда ни в чем не знает меры
И рвет на части.
Но в мире нет безропотнее веры,
Чем вера в счастье.

ЧЕСТОЛЮБИВАЯ МОЛИТВА

Музыка! Ты пришла, наконец...
Листва шелестит, маня...
Кончено, теперь я тоже — творец.
Боже, прости меня!

И наплевать, что, злой, как оса,
И от власти хмельной,
Ангел возмездья уж полчаса
Носится надо мной.

Милый, придется чуть обождать,
Постой дудеть на трубе,
Пока не кончится благодать —
Я не дамся тебе.

Ваш Главный слепил меня из интриг,
Швырял из блеска во тьму,
Но вот за этот звучащий миг
Я все прощаю Ему.

И пусть перелесок уже в огне
И пестр от змеиных лент,
Пойми: если что-то зачтется мне,
Так этот самый момент!

Не то что звезда, а метеорит
Сверкнул на исходе дня...
И, может, ваш Главный чуть пожурит,
Но все ж — помилует мя.

ОСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ

А в осенние праздники
будет щедрее застолье,
Будут гости пьянее,
и каждый взгрустнет про свое.
А куда ни посмотришь —
езде почерневшее поле,
Над которым привычно и страшно
кружит воронье.

Пусть сегодня добыча его —
лишь оброненный колос,
Все равно по-сиротски
березы построились в ряд,
И плакучие ивы
грустят, словно матери, в голос,
И могучие липы,
как факелы, в голос горят.

Ну зачем вы тоскуете!
Что так бездомно поете
Сквозь блаженный и мерный
вечерних церквей перезвон!
И размашистый лебедь
в своем гефсиманском полете
Чуть замедлится, прежде чем
броситься за горизонт.

А звезды стекают под ноги,
 как вода.
И не надо особых навыков
 в предсказанье,
Чтоб увидеть дальнейшее:
 вздригнешь и, как всегда,
Вспомнишь детство, паром...
 И — не загадаешь желанье.

Мгновение назад ничто на свете
Еще моей не предвещало казни:
Ты вышел — и тебя приобнял ветер,
Морозный, сладкий, солнечный, как праздник.

Вернулась в комнату. Плакучей ивой
Обвис букет — увядший знак вниманья...
И по инерции была счастливой
Часа четыре после расставанья...

Как солнце нелепое
 в гости пришло к поэту,
Так в темное сердце мое,
 стесненья не зная,
Любовь вломилась —
 горячая, впору лету,
И ярче неба,
 хоть зимняя и земная.

В окно глядит
 ошарашенная природа:
Неужто будить листву
 и птички рулады?
Но я-то знаю,
 что лето — не время года,
А время души,
 разгребающей снегопады.

Ведь сердце колотится так,
 что мертвых разбудит,
И грянут ручьи,
 и взорвутся запахи сада...
А больше пусть
 никогда ничего не будет.
И прошлого словно не было.
 И не надо.

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

...Нет, не перебивай! —
Полуночные кухни,
Всегдашний свет в окне,
Всегдашний жар в груди.
Потом умолкнет стих,
Потом держава рухнет
И жизнь утратит цвет.
Но это впереди.

Я помню — навсегда,
Какие там восходы,
Какая там любовь.
Постой, не говори!
Соседка в бигуди —
Как статуя Свободы...
Гори, огонь, гори...

Три года без любви...
Оплакивали стены
Убогий мой уют,
похожий на беду.
Но ясно мне теперь,
какие хризантемы,
О Господи,
растут в Твоем саду.

Их трудно не узнать.
Их из небесной чащи
(Под курткой схоронив,
роняя на ходу)
Тот для меня украл —
насмешливый, летящий,
С кем, видимо, теперь
я в рай не попаду.

Ну, пусть хоть на земле.
При нем горят зарницы,
Судьба меняет ход
и рушатся дела.
А как свежи цветы!
И солнце сквозь ресницы...
Три года — без него!
Ну как же я могла!

Ты для меня
Больше, чем беда,
Больше, чем вода
В пересохшей округе.
Ты для меня —
И шальная толпа,
И лесная тропа,
И друзья, и подруги.

Давай
Сядем, как в детстве, в трамвай,
Чтобы лужи и брюки-клеш!
Давай
Ты никогда не умрешь!
Лучше уж я...

И стану для тебя
Солнцем над головой
И лохматой травой
У ограды.
Чтоб все подруги твои
И все супруги твои
(И даже мама твоя!)
Мне были рады.

С четверти первого до полседьмого
Ночь осыпала звездами поле.
Только окно опустеет — и снова
Росчерк — и вздрагиваешь поневоле.

А из другого окошка, лесного,
Душу томили птичьи оркестры...
С четверти первого до полседьмого
Ты говорил невозможные тексты!

Ты умолкал — и, как в школе, прилежно
Запоминала я каждое слово,
Зная — все кончится неизбежно
И безвозвратно — в начале седьмого.

Вспомним опять, как дела наши плохи,
И замолчим, и уйдем из-под крова
Дома-музея лучшей эпохи —
С четверти первого до полседьмого.

Ты просишь меня, чтоб со мной никогда
Нигде не могла приключиться беда,
Чтоб я обходила крутые края,
Иначе ты тоже погибнешь, как я.

Но день подступает, похожий на бой.
Прости, я все время рискую тобой.

В малиннике — змеи.
Любой наполняющий миску,
Корзинку иль что там,
незвано пришедший извне,
Охотником будучи,
сам подвергается риску —
Становится жертвой
с малиною наравне...

...Когда мы бредем с тобой,
за руки взявшись и взглядом
Друг друга лишь трогая,
не различая тропы,
Я тихо кричу:
«Осторожно! Возмездие рядом!
В малиннике — змеи, любимый!
На стеблях — шипы...»

Ну почему же, я люблю обновки
И новоселья, и бокал со льдом.
Но я хочу, чтоб здесь, на Серпуховке,
Вот этот дом — был мой последний дом.

В нем без меня, конечно, не убудет,
Но вечно перед ним душа в долгу,
Ведь где еще так много добрых судеб
На кухне я соединить смогу!

Здесь, в этом коридоре, на балконе
Дуэль куда возможней, чем дележ.
Затроганные деньгами ладони
Здесь разве по случайности найдешь.

А за окном, где поднебесье мая
Провисло, точно мокрое белье,
Сквозь каждый тротуар, асфальт ломая,
Здесь прорастает прошлое мое.

Нет, тот не будет чист и независим,
Кто бросит, словно горстку пустяков,
Одну любовь, и сотню глупых писем,
И тысячу наивнейших стихов.

Твой голос морозен,
впору надеть тулуп.
Какого дьявола!
Растопи эти льдины!
Ну почему, почему,
почему так глуп
Самый умный
и самый необходимый!

За что, несчастье мое,
ты это все говоришь!
Тебя — разлюбила!
Придумать такие бредни!
Свобода кончилась на тебе!
Ты — Париж,
Который стоит обедни.

К Парижу этому
вел дикий шлях —
Дорога жизни моей,
проложенная негладко.
И теперь я требую,
чтобы на Елисейских Полях
Были теплые летние сумерки!
Без осадков!

Было счастье неизбежно —
Стало счастье невозможно,
Даже птицы пели нежно —
А теперь кричат тревожно,
Словно страхи по углам.
Меж блаженством быть с тобою
И морокой быть собою
С изумлением и болью —
Разрываюсь пополам.

И, решения не зная,
Еду к озеру в бору,
Где осока жестяная
Громыхает на ветру,
Где с тобой мы были счастливы...
Забреду поглубже в лес,
Вымогая взгляд участливый,
Взгляд ответный у небес...

Я тебя не пугаю,
Просто я от беды устаю
В этом пахнущем гарью,
В этом вечно кровавом краю,
Где приветливы черти
И не больно сладка благодать,
Где не думать о смерти
Так же глупо, как счастья не ждать.
По вороньему граю
Узнаю приближение дня...
Я тебя не пугаю.
Будь отважен.
Не слушай меня.

Опять я прозевала миг,
В который пение на крик
Сменяет птичий рой.
Как поминальные пиры,
Многозначительны костры
Осеннею порой.

Лес проигрался до нуля,
Уже под ним горит земля —
Так, что слезит глаза.
Напрасно клен на страх и риск
Приберегал червонный лист —
Последнего туза...

Если ты после смерти в бою попадаешь в ад,
Это значит, что она хранит тебе верность
И никогда больше не выйдет замуж.
И гореть тебе вечно в геенне огненной
За твое геройство...

НОВЫЙ ГОД

И вновь — среди ночи бескрайней,
Привычно обжившей углы,
Пусты изумленные спальни,
Полны — изумленно — столы.

Вот так из комода, из пыли
Вдруг выпрыгнет мячик цветной...
Спасибо, что радости были!
Спасибо, что были со мной!

Что в эту погоду собачью,
Лопатками чуя беду,
Я пью за любовь и удачу —
Последнюю в этом году!

Что есть на изломе дороги,
Под лампой, накрытой платком,
О чем помолчать без тревоги,
И с кем, и зачем, и о ком...

Мы умрем с тобой в третьем тысячелетье,
Даже если вечером — все равно на рассвете,
Потому что на вдохе, на старте века.
Это важно для суеверного человека.

Здесь нам все знакомо только в наброске.
Здесь уже не бывали Бунин и Бродский.
Ну а мы, не задумываясь, сиганули
Под мгновенья, сгустившиеся как пули.

И живем теперь, хорошо ли, плохо.
Человека редко красит эпоха.
Чаще он один, как циркач на шаре,
Лишь собою спасаем и украшаем.

Вспомню: клен позолоченный
в небо глядит не мигая,
Занимаются сумерки,
пухнет дымок над трубой...
Это жизнь моя — сладкая, жалкая —
набегает,
А потом — отступает. И все.
И не будет другой.

Морщат реку жуки,
колобродит веселая рыба,
Сено, россыпь черничная —
всех и не вспомнишь потерь.
Но останутся светлыми
дни на обочине взрыва,
А не в центре его,
эпицентре его — как теперь.

Время шло — и ушло.
Так душа вылетает из тела.
Так в колодце единственном
вдруг иссякает вода.
Я любила тебя.
Я тебя потерять не хотела.
(Жаль, что все позади!)
Я любила тебя — навсегда.

Когда б не злая, хлесткая пурга,
Зима мне не была бы дорога.

Но этот снег — он более удал,
Чем люди, веры, истины и стили,
Лишь он один остался от России,
Которую Набоков покидал.

И даже угодившие в ковчег
Иным предполагали ход явлений,
Ведь от России, что придумал Ленин,
И то остался только этот снег.

Я верю в снег! Он прикрывает срам!
Он грязь и слякоть обращает в пену!
...Мне нечем оправдать свою измену
Померкшим без молитвы небесам...

Того, кто уверен в будущем,
 узнаёшь по повадке:
Он хитер, он торопит вечность,
 летающую в него, как стрела,
Чтоб вошла в него,
 вонзилась сквозь одежные складки
И умчалась дальше.
 И с собою взяла.

Чтобы не ныли кости
и долго раны не ныли,
Чтобы любовь и ненависть
не превращались в жмых
И чтобы, шалея от горечи,
сплачивались остальные —
Мир делится
на уходящих и остальных.

Тонк, тонк —
 опять за окном капли...
Я — остальная,
 у меня здесь мама и сын.
Я буду помнить — последняя,
 как вы смеялись и пели
Под шелковым солнышком
 и — чаще — под снегом косым.

БАБЬЕ ЛЕТО

Отдыхает за окном
Осень загорелая...
Много верст она прошла,
И мы прошли за ней.
Целый день мечусь, как зверь,
Ничего не делая, —
Осень, поздний твой огонь
Ада пострашней.

Ох, скорей бы это все
Замело-завьюжило!
Иль скорей бы дождь заладил —
Злой, наискосок!
Мне напомнил твой огонь,
Как сквозь небо южное
Смотрит месяц золотой
На золотой песок...

Расставание — это конец суетливых событий
И начало внимательной памяти.

Этой порой
Столько пишут картин! Совершают великих открытий!
Строят замков воздушных, жилых, у реки, под горой!

Мне отныне дано без усилий, по звездному гуду,
Узнавать, как живешь, как работа твоя и родня...
Вот и всё. Не грусти, я тебя никогда не забуду.
Не проси, ты и сам никогда не забудешь меня.

Твой сад зарос раскидистой крапивой,
А дом — стоит, не сломленный судьбой.
Все думаю: была бы я счастливой
Вот здесь с тобой?

А козырьки над окнами — как веки
И как слезинки — по стеклу вода...
Мы родились с тобою в прошлом веке,
И встретились, и разошлись тогда.

Читаю прозу и стихам не верю,
Почти не плачу — ни весной, ни до,
И чувствую как личную потерю
«Вишневый сад», «Дворянское гнездо»...

От смрада, от нервного быта,
От лютой толпы городской —
Туда, где дорога размыта
Не видной на карте рекой,

Туда, где светлы и бесслезны
Окошки над самой травой, —
Какие бы темные звезды
Ни плыли над головой;

И стадо — послушно, тягуче —
Ползет на пастушеский зов,
Какие бы сизые тучи
Ни застили горизонт.

Средь ласковых ив у обочин —
Дубок, восходящий на склон.
Он молод, размашист и прочен,
А значит — да здравствует он!

Да здравствует в дебрях кизила
Шмелиная спелая власть! —
Какая бы смерть ни сквозила,
Какая бы ложь ни сбылась.

Приехала из далеких краев
И, как назло, по пути домой
Увидела: ты кормил воробьев
В чужом дворе, истязатель мой.

Шумливые, уставшие от погонь,
Тебе вдруг доверились, как судьбе.
Один даже сел на твою ладонь...
Глупые, как можно верить тебе!

А небо — точь-в-точь как твоя рука —
Горячее и доступное воробьям.
И мчатся распухшие облака,
Слегка прижаренные там и сям.

Наверное, помнят лишь облака,
А месяц вряд ли — он был еще мал,
Как нес ты меня на жарких руках
И к небу полуночному прижимал...

Пришла весна.
И крошечные люди
Дождинки обрывают, словно груши,
С еще не пробудившихся ветвей.

И плачу я.
И крошечные люди
Поспешными горячими руками
Кидают слезы в общую корзину,
Еще не зная их соленый вкус.

Сел на карниз неумело, наверно, меньшей
Ангел-молчун, вислокрылая белая птица.
Голубь взъярился, не принял за своего.
И за окном, как за душой, вновь никого.
Лишь нехорошее солнце встает.
И нехорошее солнце садится.

Опять тебя, папа,
 полночными бреднями потчую,
Не думая о пробужденье,
 отбросив дела.

Скорее всего,
 я была отвратительной дочерью,
Но хуже другое —
 что больше не «есть», а «была».

О господи,
 как с фотографии смотришь внимательно!
Как жить без тебя невозможно,
 хоть время прошло!
Нет, то, что я стала для сына
 посредственной матерью,
Так это, ты знаешь,
 наверное, хорошо.

Пусть будет ко мне не привязан!
 И даже куражится,
Когда, так сказать,
 опустеет осенний мой сад!
Но если умру,
 пусть ему ни на миг не покажется,
Что свет почернел
 и в случившемся — он виноват.

На исходе весны
Голосистых грачей над Москвой — завались.
Ах, откуда вас столько?
Откуда вы, братцы, взялись?

Не по вашей ли воле,
Проды́мленное навсегда,
Пахнет клевером небо,
Затянутое в провода?

И не ваши ль копируя
Громкие несколько дней,
Так любовь коротка?
Да, по сути, и жизнь не длинней?..

Любви нет.
Живу глухо и посторонне,
Как дождь за стеклом.

Ты помнишь? — детство, стриженные ногти,
Огромный бант, умолкший третий класс...
Горнист, волнуясь, врет на каждой ноте...
Так в пионеры принимали нас.

Смеркается. Салют. Ноябрьский праздник.
Вдруг — полная луна, как мандарин...
И ангелоподобный одноклассник
Мне о геройстве что-то говорил.

Мы были так торжественно-серьезны,
Так дружно шли, поддерживая строй,
Что в небесах рассчитывались звезды,
Как фонари — на первый и второй.

А он грустил, что слабое здоровье,
И все ж мечтал в матросы, хоть убей, —
Где море на закате — цвета крови,
А может — даже голубей...

ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА

Мелкий, шуплый, мучимый половым вопросом,
Никогда не любимый теми, о ком мечталось,
Он стоит на плацу под дождем, забирающим косо,
И уныло прикидывает, сколько ему осталось.

Как ни крути, до дембеля — без недели два года.
Целых два года добродетели защитного цвета.
За которые, если что и улучшится, так только погода,
Или вдруг старшина подорвется... Но не будем про это.

Поговорим о противнике. На него надо много дуста,
А дуст теперь в дефиците, чтоб ему было пусто.
На старшину же требуется лишь немного тротила,
А при достаточной меткости — одной бы пули хватило...

В общем, защитник отечества пребывает в подсчетах.
(«Я вернусь, мама!») И подсчетов — до черта.

Что будет дальше? —
К арифметике ограниченно годный,
Он все равно выживет средь тревог и побудок,
При врожденном умении держать удар на голодный
Или — реже — впрок набитый желудок.

Кто отличает звук орудий
От гроз, рожденных среди скал,
Для тех надолго радость будет
Строга, как боевой металл.

Нет, это не сродни похмелью,
Смех в самом деле жжет, как лед.
И воздух отливает медью.
А в подкрепление веселью
Шиповник за окном цветет —
Прекрасный, точно перед смертью.

Лишь первый выстрел прохрипел в долинах,
И ясно стало,
Что нет на свете лишних, нелюбимых
Иль нужных мало.

Незаменим и пруд в вечернем плеске,
И птичий вылет,
И молодые ели в перелеске
И вековые.

И не бывает неживой природы,
Где пули свищут.
И кажется, уже и сумасброды
Покоя ищут.

Этот тронутый дымкой
полковничий взгляд фонарей,
Успевающий втиснуться
в краткую тьму до рассвета,
И шиповник в цвету,
ошивающийся у дверей,
Означают одно:
что в разгаре московское лето.

Ну а если не понял —
тебе прояснит соловей,
Для того он сегодня
откомандирован из рая:
Кто рожден не в Париже,
а чуточку вверх и правей, —
Вот об этой погоде печалится,
умирая.

Но о смерти — потом...
Небеса затевают рассвет,
Осторожные звезды
уходят на дно, как кувшинки,
И над сонной землей
ни морщинки, ни облачка нет,
Только месяц,
замешкавшийся по ошибке...

Символ праздника и жары —
Под окном золотые шары.

Пахнет воздух пеной морской,
За калиткой — шум городской.

От жарищи едва жива
Лакированная листва.

Помнишь, как мы в Москве зимой
Холодали, любимый мой?

Принимай же юга дары —
Эти огненные шары!

День уйдет — и над мостовой
Зазвучит оркестр духовой.

Каблуки пойду надевать —
Танцы бабкины танцевать.

Будет море, суше под стать,
Всеми вóлнами хохотать.

Только небо глянет всерьез —
Золотыми шарами звезд.

Отмокаю на средней Волге.
Здесь мордатые, как бульдоги,
По-над клумбой львиные зевы
(Если пойти влево).

А если пойти вправо —
Там, как церковка, пятиглава
Сопка — в сочных лучах заката
Златоверха и синевата.

И моря никакого не надо,
И никакого Василия Блаженного,
За окном — берез светящаяся колоннада
Как символ — чего бы? — ну, скажем, счастья женского.

Напиши мне. Конечно, непривычно и недосуг.
И увидимся скоро — лишь округа вспыхнет рябинами.
Я сама не люблю многословных.
И знаю, что не напишешь.
Но — вдруг?
Хотя бы по небу — строчками журавлиными.

ЗАРИСОВКА С НАТУРЫ

Август. Пригород. Неприятности сквозняка.
Дачница напряженно ищет того дурака,
Который...
Местность бесперспективна —
ее без запинки минует «скорый».

Пейзаж идилличен,
здесь не востребован практический талант.
Инакомыслящий коммерсант
Мечтает вытянуть воду из озера,
как веревкой, ручьем
И, если не сыщется разбоя прибыльней —
настоит на своем.

Строительство идет сплошняком.
Молотки стучат поименно известно по ком.
У сельмага два величественных прораба
Говорят о политике —
думают, как обычно, о бабах.

В воскресенье к церкви бредут неумелые богомолки.
Одна — с подростком сыночком (серьга, наколки).
Но он удирает в малинник
и всю заутреню охотится по кустам,
Полагая, что бог гнездится именно там.

Я-то знала, что буду нужна тебе и нежна —
Словно старшая дочь, а может — третья жена,
Словно, как говорится, дорожка среди камней.
Только стать никогда не хотела жизни нужней.

Подняла ненужную жизнь, прижала к груди...
Что мне делать с такой удачей, сам посуди! —
Мне, в пыли находившей максимум три рубля,
Понимавшей, что небо еще скупей, чем земля...

По-над городом осень, слезится дождь по стеклу...
Не работает солнце, запаханное во мглу...
Ожиданье исчерпано, слово теперь за мной.
Шутки в сторону. Стрелки пущены. День восьмой...

ПОРТРЕТ

Родился в маленьком домике под высокой оливой.
Ни одну женщину не сделал счастливой,
Ни одного ребенка не вырастил кропотливо.
Так зачем был тот домик и зачем та олива?
Смотрит, не отражаясь, солнце в душу пустую...
Чтоб не канул бесследно, дай тебя хоть нарисую.

Но самый нищий — тот,
кто вправду независим...
Как эта мысль во мне
обугленно горит,
Когда я лгу друзьям
и не читаю писем,
И ненависть врага
почти что не бодрит!

150

ПЕСЕНКА

Меркнет день, тает снег,
Поспешает птица,
Видя издали цель
Своего пути.
Вот бы мне так лететь,
Чтобы возвратиться
И ни разу вовек
Глаз не отвести!

Ветер воет вокруг,
Как пылинку гонит,
И роняет с небес,
И о землю бьет...
Вот бы мне прикорнуть
На твоей ладони
И проспять всю беду —
Навзничь, напролет!..

Помню, целовались смеха ради,
Без единой мысли в голове,
На мосту, в уснувшем Ленинграде
(Был когда-то город на Неве).

Плыли сверху, снизу сквозь глубины
Два ломтя взрослеющей луны...
Были мы не то чтобы любимы,
Но не так, что вовсе не нужны.

Как бы жизнь потом ни бунтовала,
Ни летела или ни ползла,
С той поры, ни много и ни мало,
Целая эпоха утекла.

Радость, беды, мелкие простуды
Призабылись.

Но поди забудь:
Золотые шпильки, как сосуды,
Пламенем питают Млечный Путь...

Или тепло перешло все границы,
Или мороз проявил мягкотелость,
Только — взгляни: возвращаются птицы.
Родины захотелось.

Вроде бы любят, каются вроде,
Но в холода забывают приличья
И — улетают.

Глаза отводит
Грешная стая птичья.

Их бы прогнать!
Но в лесах наших темных
Любят заблудших и непутевых.

Так возвращаюсь к тебе, мой нестрогий.
Мешкаю на пороге.

«Убежать от постылого мужа...» —
Эта песня слагалась веками.
Отражаются ангелы в лужах
Облаками...

«Стану я медоносной травой
Для тебя, мой любимый, горячий!»
Только небо над головою
Не спасет уж теперь и не спрячет...

Неужели могло быть и хуже?
Неужели все это со мною?..
Убежать от постылого мужа —
Возвратиться ничейной женою...

Ночь ушла, как лодка из залива,
В сонный час украдена не мной.
Разнотраво, как нечесаная грива,
Бережок топорщится речной.

Тьма ушла. Ну, стало быть, счастливо.
Зреют шишки, медлят облака,
Трогательно жгучая крапива
Тщетно поджидает чужака.

Вдруг, подбросив солнце, как монету,
Трижды ухнет леший из-за пня...
Вот бы хоть на миг, как чашу эту,
Ночь моя покинула меня!..

«Пожалуй, не люблю, — сказал, —
но не грусти:
Других я не люблю
значительно сильнее.
Возьми, что нажил я,
коль сможешь унести:
Закаты над рекой,
неполных лун камеи,
Заначенный экспромт —
тот, что на черный день,
Уверенность в себе
(в ней всё — одна бравада),
Бессонниц благодать,
а ежели не лень —
Возьми и жизнь саму,
мне ничего не надо».

И вспомнила рассказ
про мастера мостов:
Без отдыха и сна,
иной не зная страсти,
Он строил дивный мост.
Когда был мост готов,
Созвал всех горожан
счастливый дряхлый мастер.

Он им сказал: «Не зря
 был я судьбой храним!
Я завершил свой труд!
 Труд жизни! Неужели!..»
И он прошел свой мост.
 И рухнул мост за ним...
...И я, как мастер тот,
 своей достигла цели...

Мне не жалко ни слез, ни надежд, ни себя самой —
Я возвращаюсь домой.
Небо висит неопрятною бахромой,
До выходных — двое суток, как обычно зимой.
Господи Боже мой,
Век завершается, да и весь мой путь не прямой, —
Спасибо, что не сумой, не тюрьмой!..

Где, обреченный на неуспех,
Падает первый снег
И, вызывая то гнев, то смех,
Завершается век,
Где упоенно, влажно, темно
В вазе гибнут цветы, —
День забредает в мое окно,
Посторонний, как ты.

Дым расплывается по реке,
Костенеет вода...
Ты забывай меня вдалеке —
Медленно, навсегда.

Даже когда заскулит в трубе
Ветер — сильней зверья,
Ты не подумай, что по тебе
Стонет душа моя...

И друг отвернулся,
и дочь как-то странно выбыла,
И даже весна не случилась,
хотя куда б ей деваться.
И только у любящей женщины
не было выбора:
Исчезнешь — и ей в живых
лучше не оставаться.

Не слышать, как вхолостую
безумствуют соловьи,
Не видеть дурного знака
в каждом их страстном звуке,
Не искать по свету
похожие на твои
(Пусть немножко!)
губы, глаза, руки.

Не лежать, выжигая
глазами над головой
Неопрятные пятна —
паленые антисозвездья.
Не дожидаться, что к ней,
еще почти что живой,
В недобрый час ты воротишься
как возмездье...

Объяснять мне не надо, что гонит грачиную стаю
За полмира — к Москве, от весны захмелевшей, как все.
Оказавшись почти что в раю, я до слез вспоминаю
Изумрудные мелкие листики вдоль шоссе.

И смеющихся окон вечерних янтарную залежь,
И реклам неуместных горящие угли в золе...
В этом городе я и помру, если не возражаешь,
В день, когда не останется дел у меня на земле.

И увижу во сне, как вдали от привычного крова,
Недоступный промышленным звукам и взглядам зевак,
Занимается клен — чуть зловеще, нарядно, багрово —
Неудавшейся жизни моей восклицательный знак.

Наговориться не могли
И наглядеться не могли.
Стояло озеро вдали
Над кромкою земли.

Струились ночи, как вино,
И дни мелькали сквозь окно,
Листва меняла масть.
Иссякло озеро давно...
Но было нам не суждено
Друг другом за короткий век
Налюбоваться властью...

Когда наступит срок
 последней строчки, точки,
Когда не станет дел,
 сводящихся к рублю,
Всего на миг один
 я попрошу отсрочки,
Чтоб жизни прошептать
 последнее «люблю».

Люблю, как светит в ночь
рождественская елка,
Люблю пьянящий страх
на горном вираже...
По правде говоря,
жилося мне трудоемко,
Но что-то отдыхать
не хочется уже.

И все-таки узнать
 безумно интересно,
Как выглядит итог
 во всей своей красе —
Когда уже душа
 опомнилась, воскресла
И звезды понеслись
 по встречной полосе...

Так чего мы добились?

Давай с тобой подытожим:

Ты — как Этна в своих облаках —

в посторонней увяз судьбе,

Я — бреду в новый год

(«Вам не скучно?») с поздним прохожим

И, коль плохо будет вести,

расскажу ему о тебе.

Возвращайся!

Я постараюсь

возродиться к весне, как природа.

Возвращайся!

Я постараюсь

сделать радостным наше житье.

А иначе — уйди из памяти,

чтоб не было нового года.

И скорее, а то куранты

уже затевают свое.

Встретимся — у черты или за чертой,
Встретимся, чтоб до этого жить мечтой,
Вдруг уходить рассеянно в никуда
И провожать от станции поезда,
Вслед им глядеть заплаканно всякий раз —
Может, они окажутся раньше нас
Там, где неумолкающий город твой
Держит грачиный омут над головой...

Я жену твою не обижу,
Как бывало в прошлом году, —
Даже в снах тебя не увижу!
Даже близко не подойду!

Мне, змеюге, вырвали жало,
Кровь моя обратилась в лед.
Что ж глядишь на меня так жадно
Все мечты свои напролет?..

Мы поедem по мокрым улицам,
 без труда обгоняя ветер
И не очень задумываясь,
 день это или ночь, лето или зима.
Даже странно, что в городе,
 спроектированном кем-то третьим,
Возможны такие наши с тобой
 расстояния и дома.

167

А еще среди косарей
 было несколько женщин —
Вроде не старых,
 но молчаливых и грустных.

Наутро взялись косари за дело.
 А птицы пели,
И в ближнем ельнике падали шишки
 с тяжелым стуком.
Звенели косы, как струны.
 И в продолженье недели
Дождя не случилось,
 как косари и хотели.

И вот на прощанье, в субботу,
 закончив дела до срока,
В тесовой сторожке
 возле самой дороги
Косари собрали тех,
 кому одиноко.
А одиноко было если не всем,
 то многим.

Женщины хлопотали,
 старший стоял у двери,
Встречал гостей
 и шутил с ними о погоде.
Второй крепился, чтоб не напиться.
 В какой-то мере
Это и удалось ему вроде.

Знаете —

я даже рад, что она хромая,
Мне и так с нею боязно,
с безнадежно прекрасной».

А когда уехали косари —

пришла гроза невиданной силы,
Даже старухи
такой не помнили страшной.
И тот, кого после полудня
в дороге она захватила,
Домой возвращался под утро,
как будто из рукопашной.

Буря умчалась внезапно —

как накатилась.
Сильно шмели заныли
в траве усталой.
И ни с кем — ни с людьми, ни с живностью —
ничего не случилось,
Только у дома красавицы вырос цветок —
дикий, алый.

Дня четыре смотреть ходили

на это диво.
Рассуждали: за что ей такое?
Случайно, что ли?
И сказал дурачок деревенский:
«За то, что красива.
Правда, она всего лишь красива,
не боле.

Воспоминание о счастливой зиме

2003—2006

Спасибо, судьба, за нежданную милость —
Что счастье ко мне так рвалось и ломилось,
Так жадно меня умоляло о встрече,
Что я наконец-то устала перечить.

Как будто очистилась жизнь от коросты,
Как будто сбылись новогодние тосты
И бродит душа по расцветшему раю...
Я знаю теперь, что я многое знаю!

Я знаю, что прошлое было кошмаром,
Что счастье дается случайно и даром —
И лучшим, и худшим, и средней руки,
Всему, что твердили мне, вопреки.

Бестолковую, несуразную
Отдаю тебе жизнь свою.
Ни над кем победу не праздную —
Вся зареванная стою.

Быть тебе мишенью для мщения
И, конечно, не смыть вины —
Бесполезно искать прощения
У детей твоих и жены.

И с друзьями прочными нитями
Ты не связан с этого дня...
Вот какой подарок сомнительный
Принимаешь ты от меня.

Будут слухи гулками, черными,
Непривычной, бездонной тишь...
Так чему ты рад, обреченный мой?
Так за что ты благодаришь?..

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Неужели свершилось,
 о чем не могла и мечтать?
Ради этого
 песни пела мне мать,
И училась смиренью
 среди предков преобладавшая знать,
И ребеночек поздний,
 как солнышко золотой,
Овевал добротой, красотой,
 а потом — маемой,

Чтоб однажды под вечер, за сорок,
 взбесившись в своем углу,
Стать безудержно щедрой
 и чудаковатой слегка,
Словно эта ночь,
 распластавшая по стеклу
Все свои звезды
 и облака...

Так, выпить стараясь
 хотя бы еще одну,
Забывает пьяница
 про визиты к начальнику и крестины.
Так в океане,
 уйдя на желанную глубину,
Забывают вынырнуть
 искатели жемчуга и дельфины.

Пойми, что это не вечность,
а только ночь миновала,
И первым утром мы очнулись,
как ни в чем не бывало.

В каменном, каверзном, строенном на года,
А пережившем столетие, как хвоя за половицей
(Из такого же школьницей смотрела я в никуда
Из ниоткуда, где довелось родиться), —

То есть в безвременном...

Впрочем, двадцатый век
Проступает отчетливо в невниманье к детали.
Прочее — вечно: этот мартовский снег
И которое поколение женщин,
говорящих: «Как мы устали...»

В общем, в России, в городе, на этаже,
Засиженном мухами изнутри, голубями снаружи,
Я стою и думаю, что — свершилось:
уже
Ты мне нужен сильнее, чем другим не нужен.

Чахнет в лампочке пламя, задушенное стеклом,
Надвигается будущее — невпопад, напролом.
Пусть настигнет в доме твоём
Нас — вдвоем...

ВОСПОМИНАНИЕ О СЧАСТЛИВОЙ ЗИМЕ

И сосен исполинский рост,
И в небе самолетный хвост,
И гроздь рябины на снегу,
Как будто праздник неуместный,
И голос твой издалека,
И телеграфная строка,
И взгляд — восторженный и лестный...

Скупа коллекция чудес,
Все остальное просто: лес,
Река и проржавелый катер,
И воспаленный цвет небес,
Где все мы будем — на закате...

Конечно, я прежней жене твоей благодарна —
За то, что была красива и небездарна,
За то, что заботилась о тебе и детей рожала,
Но больше — за то, что недолюбила, не удержала...

Милый, знаю — на свете бывают цветы,
Великие праздники, дружелюбные окраины леса.
Но в последнее время все, что не ты,
Для меня не представляет ни малейшего интереса.

Впрочем, мне кажется, это ты перекинул мост,
Когда изгибается радуга на весь пейзаж обозримый.
И еще, мне кажется, о тебе распевает дрозд,
О тебе покрываются ветви спелой рябиной.

Осень. Брожу по колено в золоте, что твой Мидас,
Зачарована, недостижима сплетней.
Все это — ты, мое солнце, мой звездный час.
Дай бог, последний...

Не звать гостей! Зачем нам гости?
Я больше не люблю гостей.
Они впиваются, как гвозди,
В мир наших радостных страстей.

И снова слушать нам — доколе? —
О сериалах и футболе,
Вникать в минувшие печали
И в то, что ныне говорят...

И ты меня не замечаешь
Уже четвертый час подряд.

И озеро в пятнышках облаков,
И шмель над зацветшей сливой —
«Кто таков, — спрашивают у меня, —
да кто он таков,
Чтоб сделать тебя счастливой?

Всем известно, как характер твой плох:
Чуть замедлилась — и снова спешишь в дорогу.
А с ним... В самом деле, он же не бог,
Он же не бог, ей-богу!»

Смотрю вздохнув, так что небо вверх дном,
Как трепещут твои ресницы...
Спи, мой свет! Мечтаю лишь об одном —
Чтобы тебе не сниться.

Отдохни немного, иначе нельзя,
И хоть во сне не слушай
Те скабрёзности, что шепчут друзья,
Желающие как лучше.

Ибо, как бы ни был горизонт наш глубок —
Ясный, открывающийся прямо с порога, —
Все равно мне страшно за тебя,
ведь ты же не бог,
Хоть и похож на бога.

О дни предосенние,
 вереница блаженных дней!
На счастье настраиваться
 с каждым годом трудней.
А после останется
 в небе горстка огней,
И ни притронуться,
 ни присоединиться к ней.

183

Пока мы были с тобою врозь,
Отклонилась земная ось,
Поменялись магнитные полюса,
По ночам стали слышаться голоса,
А днем, напротив, прекратили звонить,
И этого, казалось, не изменить.

Пока мы были с тобою врозь,
Ничего нам не удалось,
Даже попытка — любой ценой —
Пройти тропой иной.

И вот я думаю (мысли, впрочем, легки):
Какие же мы с тобой дураки!
И какая удача, что сердце не разорвалось,
Пока мы были с тобою врозь!

Те, кто прежде
тебя или меня любили,
Кто и поныне считает,
что любит из нас кого-то,
Еще на что-то надеются,
думают: или-или,
Дышат в трубку, внезапно
являются из-за поворота.

А то собираются вместе,
прикрывая злобу — участием,
И начинают судить нас,
об истине зная немного:
Мол, наше счастье —
это, в общем, несчастье,
И мы поплатимся,
а они, возможно, помогут.

Но кто судья — нам,
друг с другом вкусившим рая,
Не осквернившим любовь
ни торговлей, ни даже меной?
Только сизая вечность,
синеющая у края,
Только жизнь, никогда
не бывающая чрезмерной...

Посмотри — эта ночь не хуже,
чем в наше лето.
Ты тогда записал
на тетрадном обрывке чистом,
Что, коль бог наделил тебя
крохами интеллекта,
То, наверное, черт
к нему инструкцию свистнул.

Книжный червь — и смутьян,
по московским дворам скиталец,
Где неважно, кто встретится первой —
смерть иль девица,
Так настойчиво мною
вымечтанный красавец,
Что тебе ничего не осталось —
только явиться;

Балагур, выпускник способный
бессчетных спален,
Вдруг меня приручать задумавший
терпеливо, —
Я любила тебя.

И спасибо, что ты оставил
Мне возможность любить другого
после разрыва.

Над самым же тобою
ночь отликает сталью,
А из всех Медведиц
в окошке — всегда Большая.
И сжимается сердце,
когда случайно представлю,
Как храпишь один в темноте,
никому не мешая.

Знай, что мне в эту ночь
опять по тебе не спится,
И тоски этой хватит, наверное,
лет на двадцать.
Да светится твоя
неправедная зарница —
Всех других нарядней,
уж можешь не сомневаться!..

Не пугай меня к ночи,
такого и в шутку не надо.
Мне ведь снилось однажды,
что правда уходишь ты,
А с тобою —
вся долгая моя жизнь,
И легкая моя смерть,
И прочие мои мечты...

Кусты смородины, уже большие,
И пруд, что был когда-то глубже, шире,
А ныне обмелел и оскудел,
Плюс две березы, сросшихся стволами,
И лавочка, известная делами
Сердечными, —

здесь даже ты сидел.

На солнце жмурился, писал в блокноте
И слушал, как поет на тонкой ноте
Веселый соловей средь бела дня.
А то вдруг туча ноздреватым телом
Вплывала, закрывая небо белым.
А ты мечтал.

Надеюсь, про меня.

Когда мечты сбываются, на грядке
Восходит урожай, и все в порядке
И в доме, и в душе, и впереди.
Как нам тепло!

Как холодно снаружи!

Как злятся нас не тронувшие стужи!
А мы одни, вселенной посреди.

И соловья знакомого потомок
Еще споет, и будет голос тонок,
Едва растают нынешние льды.
А за окном — канатная дорога,
Что прямо от порога — и до Бога,
И больше нет в посредниках нужды...

Ты думал: пусть одиночество,
только бы не воскресные
Хождения, дни рождения...
Уж лучше к бывшим подружкам.
...В парке, где только местные,
Похожий на наваждение
Шахматист
сумерки разливает по кружкам...

189

Розовоухая кошка, угрюмый пастух, лягушки,
Оборки ельника, за которым
 вполне вероятно гать,
Вторая очередь одуванчиков,
 лето на самой макушке...
Господи, как отсюда
 не хочется умирать, убежать!

А если уж непременно —
 то лучше бы тихо-тихо,
Как паучок летучий
 под крышей вьет свою сеть.
Чтоб с водонапорной башни
 аист и аистиха,
Если вдруг и заметили,
 то не вздумали улететь.

Насмешки такой бессердечной
Мы явно не ждали с тобой:
Любовь оказалась конечной —
Как жизнь и как боль.

Роняет июль с небосвода
Светил перезрелую гроздь...
Ну что с возвращенной свободой
Нам делать, теперь уже врозь?

А полночь в ответ мне хохочет
Всем сонмом нарядных огней:
Любовь оказалась короче!
А жизнь — оказалась длинней!

Ветер разнообразен:
В паре с огнем
Похож на цветок в вазе,
Вместе с вольной водой
Образует прибой
(Ты когда-то шутил —
Как мы с тобой).

Не промчит стороной,
Как экспресс в новый год,
Он навеки со мной,
В отличие от.

Даже в зимнем бору,
Где и жизни-то нет.
Если умру,
Не он ли загасит свет?..

Не плачь, мой ангел

Новые стихи

И воскликнешь
 посреди пустынного мира:
Господи!
 Сотвори мне кумира!
Не обязательно в славе и во плоти —
Хоть какого-нибудь!
 Хоть прежнего возврати!

Но раздастся в ответ,
 прошуршит дождем по траве:
«Чем кумира в округе искать,
 заведи царя в голове!»

АНГЕЛ

Не плачь, мой ангел!
 Не то чтобы слишком жаль,
Но когда ты плачешь,
 когда ты, черт возьми, плачешь,
Накапливают суглинки
 такую сыкотную печаль,
Что кажется — в самом деле
 не будет больше удачи.

Начиналось все,
 как положено, у меня:
Мандариновый запах елки,
 семья и школа.
А теперь вокруг —
 ни тепла, ни огня,
Лишь вот этот плаксивый ангел
 почему-то женского пола.

Нрав умеренный у нее,
 как погода в Крыму.
Вся умеренная она,
 как гусиная стая.
Я ору ей иногда:
 «Передай Самому —
Не могу я так больше жить!» —
 Не передает, пропускает.

А то вдруг сядет по-птичьи
 под потолок
И заскулит —
 хоть совсем убегай из дома.
Ты прости меня, ангел!
 Навязал тебе Бог
Неуютную спутницу.
 Да ты сама с ней знакома.

Но знаешь, мир, данный нам в ощущение,
в целом неплох,
Да и жизнь пока не исчерпана,
извините.
Я еще удивлю тебя, рассмешу тебя,
видит Бог!
Я еще помогу тебе, не печалься,
ангел-хранитель!

В городе, где трава
Вспоминается только из чувства протеста
(Взгляните на это гладкое место —
Здесь могла быть трава);

В городе, где скорее ночь, чем зима,
Где скорее в метро, чем пешком по скверу,
И где многие понимают карьеру
Как возможность из панельных в кирпичные
переехать дома;

В городе, где зонтов и крыш торжество,
Когда-нибудь и тебя самого
Не станет — за сроком давности
иль по случаю смены места.
Не знаю, чего из этого пожелать, —
Таких, как мы, прошла здесь целая рать,
А в чем смысл их движения,
по-прежнему неизвестно.

Август. Полдень. Елок вереницы.
Три недоразрушенных избы.
Я сюда на запах медуницы
Прихожу как в детстве — по грибы.

И брожу своими же следами.
И робею у церковных стен:
Что просить нам — траченным годами
Очевидцам бурных перемен?

(Вон и туча щерится морозно,
Будто бы уже закончен суд!)
Славы — стыдно, пониманья — поздно,
А любви не просят, только ждут.

Боже, стать бы тем седьмым коленом,
На котором завершится месть!..
Медуница нежно пахнет тленом —
Неужели горше запах есть?..

С утра на лестнице —
совсем не шахматный мат.
Звонит подруга
о путешествии в Канны.
Светает поздно,
потому что февраль — не март.
На кухню уже не заходят
отчаявшиеся тараканы.

Живу — принцесса
вполне престижных кровей —
В своей запущенной башне многоэтажной.
Видишь, кем стала та, что была твоей?
Видишь — оттуда?
А впрочем, уже неважно.

И лишь вот в такие ночи,
когда кругом — ни огня,
И уж тем более
ни огня где-то рядом,
Бывает, думаю:
а как ты глядишь на меня —
Двадцатипятилетним
иль все ж повзрослевшим взглядом?

Хотя за что бы тебе
такой недобрый удел?
Уж, в крайнем случае,
ты манну Господу мелешь.

[illegible]

Нет, не подвиг, а просто такая жизнь,
Что осилит только герой.
А собьешься чуть — хоть костями ложись,
Не вернуться в избранный строй.

Лишь душа заскулит — обреченный зверь,
И в ответ иссякнет звезда.
Что поделать, такая вот жизнь теперь.
Что поделать, такая вот смерть теперь.
Впрочем, так же было всегда.

Знаешь, здесь, в Кузьминском парке,
Горевать совсем негоже —
Жизнь исправно шлет подарки
Вот таким, как мы, проходим,
А не чертит закорюки.
Светел день. Весна нетленна.
Голубь, подобравши юбки,
Входит в лужу по колено.

Помнишь, не было хлеба, крова,
А казалось — все ерунда?
Ныне жизнь не менее пустякова,
Чем тогда.

Лето. Лодка. Высокий берег.
Странноприимный сарай.
Правда клюет! Но никто не верит.
Чем не рай?

Помню, как рыбу роняли на пол,
Как мыли речной водой,
Как дождь грибной за окошком капал —
Солнечный, но седой;

И как мы клялись без тени смущенья
Навек забыть свои города...
А дальше вся жизнь была — возвращенье
Оттуда сюда,

Где люди, преодолая ужас и шум,
Как умели, боролись с небытиём
И жили, в общем, как мы живем —
Наспех, насмерть, начерно, наобум.

Умела прощаться, как умирать, — навеки,
Сжигать мосты, сжигать корабли.
А еще умела заговаривать реки —
Чтоб помедленнее текли.

Чтоб не так мелькали под небесами
Первый вдох — и последний звук,
Чтобы лодки, прядая парусами,
Успевали землю принять из рук.

Дождь идет. Минувшее все дороже.
Разреши мне, Господи, отдохнуть,
Потому что так — сгоряча — негоже
Начинать свой главный, ответный путь.

ОСЕНЬ В КРЫМУ

Здравствуй, осень!

Кто тебя так весело, так метко назвал,
Разом выхватив
из мрака и срама?
Здравствуй, прошлое,
и ты, засиженный туристами перевал!
Здравствуйте,
незнакомая полная дама!

Вон как сеттер
вас тянет за поводок
В этот шорох
и отсутствие лета!
Я люблю тебя, осень,
за солнце и холодок,
За изгнание фиолетового
и преддверье белого цвета.

Неслучайно водитель
вдруг давит на тормоза
Не на красный,
а на зеленый лист одинокий.
Смейся-смейся, бесстыжие,
золотые твои глаза! —
Покуда не выпал снег
и не вышли сроки...

Казалось, здесь каждый кустик знаком,
Но стало смутно и странно,
Когда овраг, словно молоком,
Наполнился вдруг туманом.

И охнул закат, и прервался путь,
И взгляд оценил глубины:
Березы стоят в молоке по грудь,
По шею стоят рябины.

И пес, будто зная, что жизнь одна,
От дома, от спелых грядок
Летит, чтобы вылакать все до дна —
И счастье, и непорядок.

СЕЛО УБОРЫ

1

Брожу по дорожкам парка,
 так же, как прежде — ты,
И от этого сходства
 испытываю подобие кайфа —
В стране футбольных болельщиков,
 наркодилеров, гопоты
И распространителей «Гербалайфа».

А ты издалёка
 «Приезжай, — говоришь, — люблю,
Помню, тоскую
 и в настоящее время холост».
Что мне ответить?
 Каждому кораблю —
Своя засада.

 И хоть у тебя
 такой волнующий голос,

Видимо, мне здесь одной
 садиться на мель,
Чтобы не привыкать
 ни кланчить, ни суетиться.
Тем более в парке (ты помнишь?)
 твоя индевеет ель,
А рядом (ты слышишь?)
 твоя бесчинствует птица...

2

Утро
Цвета солнца, дачи, салата,
Располагающее к успеху.
Утро,
Когда молоденького солдата
Вновь провожает невеста —
Неизвестно на чью потеху...

Неужели
Мы рождались, учились в школе,
Жили дальше,
Временами судьбой довольны,
Для того чтоб узнать:
Сколько ни выкашивай поле —
Из него все равно
Прорастают воины...

3

А домик, что мы снимали,
ты знаешь — давно сгорел,
Что дачной округе
добавило, действительно, лоску.
И загнанно смотрит бомжиха,
боясь спросить папироску, —
Ну чистое чудо в перьях,
на которое разрешили отстрел!

Лишь солнце,
ныряющее в поле, как в озеро,
всё так же красным-
Красно.
А картофельных грядок нет и в помине.
Новодел победил бы
в этой тихой благородной низине,
Когда бы не церковь,
построенная крепостным...

4

Ты помнишь? — мы опережали дроздов
по части птичьего пенья,
И до самих соловьев
была нам, кажется, малость.
А как-то в полночь
мы почти остановили мгновенье.
Но передумали.
Иначе что бы нам оставалось?

Так бы вот и бродить
по задремавшей отчизне,
Свои лирические стишки
беспечно впаривать массам
И не узнать,
что через двадцать лет по уровню жизни
Эта местность будет располагаться
между Зимбабве и Гондурасом...

Поехали, говорит.

Бросай свою глушь-Саратов,
И уже послезавтра,
в крайнем случае — в среду,
Куплю тебе перстень
в сколько хочешь каратов,
И будем жить с тобой.
Она в ответ: Не поеду.

Здесь у нас соловей,
хоть никакого в нем проку,
Поет и плачет,
и нет спасенья.
А зимой у нас
в ресторанчике «Крокус»
Скрипач играет по воскресеньям.

Тогда говорит:
А хочешь «Форд Фокус» —
Лучший на Среднерусской равнине?
Только сядешь —
и через миг, без вопросов,
Глянут — ан нет тебя
и в помине.

Она в ответ:
Да не нужен «Форд Фокус»,
Лучший от Балтики до Урала,

И даже не надо,
 чтоб в ресторанике «Крокус»
Музыка по воскресеньям играла.
Лишь бы сынок
 одолеет переходный возраст!
Лишь бы мама не умирала...

Ну, говорит, кума,
Уж с этим ты разбирайся сама.

И пошел он жить,
 как прежде, на свете:
Никого не полюбил
 и не встретил
Ту, что мнилась, снилась,
 в мысли рвалась, —
Такая юная,
 что еще не родилась...

6

Знаешь, в разлуке — все-таки сила:
Я лишь в конце до конца поняла,
Что не простила тебя, отпустила,
Не сберегла, отдала, предала.

Будут за это трепать меня черти!
Ладно, любая мне кара мила,
Только бы знать, что до края,
 до смерти —
Все же не я тебя довела...

7

На дне пересохшего пруда,
Вдали от столичного гуда,
Под небом цветного стекла
Вот так бы я и сидела —
Без мысли, без чувства, без дела,
Вот так бы я и жила.

Недаром считают в народе,
Что тот, кто до сумерек бродит,
Бормочет, как будто во сне,
Храним от обиды и боли
И отблески света и воли
Умеет найти и на дне.

8

Стояла роща — темная, густая,
Но мы вошли — случайно, не со зла,
И на ночь беззвученная стая
Опомнилась, воспряла, ожила,
Стократно ошетичилась — и взмыла,
И тут же миновала навсегда.
И кроны, потревоженные было,
Смыкаются над нами, как вода.

И сохранился только отзвук дикий
В пространстве этом сонном и пустом
Да крохотная капля земляники
Под лапчатым листом.

Когда мы
уже не помышляем о лете,
Солнца не просим,
Начинается жизнь в терракотовом цвете —
Поздняя осень.

Краткая милость,
перед мертвой зимой — многоточье,
Славься вовеки!
Стеклянные яблоки
после морозной ночи
Стынут на ветке,

Падают,
словно елочные шары — разлетаются,
Только тронешь.
Лишь вороны всё ахают,
всё придумать пытаются
Свой Воронеж.

А я каждый вечер гляжу,
Как тонет солнечный диск
В поздней кроне.
Только бы не облака!
Только бы не отвлечься,
Не проворонить!..

10

За разросшейся памятью
 почти ничего не видно —
Ведь на каждую новость
 есть в минувшем примеры.
И так жалко умирать,
 так обидно,
Что становится ясно,
 как рождаются веры.

11

Я тебя подожду,
Где вишни цветут в саду,
Где жизнь голосит в листве —
Без царя в голове —
Вот уж недели две.

Что загадывать наперед,
Когда нас Бог приберет?
В предвкушении тишины
Сроки становятся неважны.

Различить бы, век подаренный отгуляв,
Отбормотав, как псалтырь,
Где кончается явь
И начинается быль.

Содержание

Лев Аннинский. Счастливый случай 5

Каштаны на Калининском (1978—1984)

«Огромный, птичий, солнечный, явись...»	17
Трубниковский переулок	18
«Ах, какие мы оба калеки...»	19
«Жил-был попугай...»	20
Про верблюда	20
Март	21
«О любви? — опять не хватит слов...»	22
«Мы застали природу врасплох...»	22
«Не жалуйся, кури...»	23
«Ничто грозы не предвещало...»	24
«Мне эти сказочные ели...»	25
«Как звать? — и смеется. — Зовите Галина...»	26
Пожар	27
Солнце над склоном	28
На Волге	29

Каштаны на Калининском	30
«Мы в силах летать до звезд...»	31
Если	32
Ярославна	32
Вера	33
Со старой фотографии.....	33
«Люди сильные. Люди слабые...»	34
«Должно быть, такие закаты...».....	34
«Да нет, я судьбе городской не перечу...»	35
«Я вас люблю, крутые берега...»	35
Июль	36
Дворец на песке	36
«Ветер весел был и светел...»	37
Грузинская песня.....	38
Конец грозы	38
«Думал, что я не поклонница франтов...»	39
Везение	39
Идиллия	40
«Проложу тропу с порога...»	41
«Я не верую в бога...».....	42
«Под утро, вдруг, взметнулось, точно крик...».....	43
«А правда одним-одна...»	43
«Как же мука была велика...»	44
«Это много? — Конечно, много...».....	45
«Когда-то на кромке вокзала...»	45
«Что существует икебана...»	46
«Если целый свет не свят...»	46
«Приди, мой враг. В окно глазей...»	47
Бабье лето	48
Сорная трава.....	49

«— Ты знаешь, что такое свет...»	50
«Кому какая послана хвороба...»	50
«Мы распрощались. Милый...»	51
«Помогают жить друзья...»	52

Ложная осень (1985—1988)

«Нет, никогда — среди пурги...»	53
«Метель сатанеет, как волк, а не птица...»	54
«Ты женщину эту любил...»	55
Подмосковная весна	56
«А когда началось волшебство...»	56
«Будто видела — помню об этом дне...»	57
«Соседка моя не любит...»	58
«Весна, весна...»	59
«В жертву принес...»	60
«Кабы не быть нам с тобою невеждами...»	61
«А ночью над моим порогом...»	62
«Горькая дань просвещенному веку...»	62
«И птичьи голоса, и летних крон завеса...»	63
«Враждебная, с челкою черной...»	63
«Я уеду в те края, где травы...»	64
«Остался от дуба такой пустяк...»	65
«Говорят, у нее...»	66
«Жалела: у них ведь дела...»	67
«Южный город. Мешкаю нарочно...»	68
«Наплевать на то, что позабыто...»	69
«Там, где окон орденские планки...»	70
«Дни осенние итожа...»	71
«Это мощней, чем цунами...»	72

«Желтый, малиновый, голубой...»	72
«Ты посмеялся бы надо мной...»	73
«Воцарилась осень — туман клубя...»	73
«Осенний лес отлит...»	74
Ноябрь	75
Письмо в Петропавловск-Камчатский	76
«Жива. Но какою ценою...»	77
«Живи в своей пустыне...»	78
«Теперь живу, предчувствиям не веря...»	79
«...И вернутся собратья в земной уют...»	80

Черная стрекоза (1989—1991)

«Лес предзимней зиял пустотой...»	81
«Я ее увидала...»	82
«Вижу цветные сны...»	83
Месть Тамерлана	84
«Не паникуй, мой друг, пройдет и это...»	85
«Грузинский храм, как перевод подстрочный...»	86
«Небесная молочница...»	87
«Я люблю тебя...»	88
«Век двадцатый, последняя треть...»	89
«Упасите от боли...»	90
«Встаем на восходе...»	91
Памяти поэта Сергея Москвина	92
Конец света	93
«Все видится река...»	94
«Ветра нет, но зябко у воды...»	94
«Сказал рассудок...»	95
Размышления в весеннем парке	96

Вопросы	96
«Я больше не ищу подтекста в слове...»	97
«Бабье лето, золотая заплата...»	97
«Сегодня...»	98
«Ну да, и мне знакома тяжесть муки...»	99
«...А в случае предательства, навета...»	99
«Гляну в окна, второпях протертые...»	100
«Умерли руки...»	101
«Вдруг возникли из небытия...»	101
«Посреди московского быта...»	102
«О как новогодние звезды горят...»	102
«А в последний месяц ей ночами...»	103
«Душноватые, буйные, дальние дни...»	104
«То глядит застенчиво...»	104
«Жизнь пустынное, чем казалось...»	105
«Мысли лучшие сгинули втуне...»	105
«Подруг все больше, а врагов все меньше...»	106
«А наказание выпало мне проще...»	106
«Предчувствие тепла...»	107
«Измучаю всю комнату шагами...»	108

Честолюбивая молитва (1992—2002)

«Нет, мудрость нестерпима. Зная меру...»	109
«Я засыпаю...»	110
«Над русским полем сумрачно и голо...»	111
Честолюбивая молитва	112
Осенние праздники	113
«И пасмурный ветер...»	114
«Мгновение назад ничто на свете...»	115

«Как Солнце нелепое...».....	116
Воспоминание о восьмидесятих.....	117
«Три года без любви...».....	118
«Ты для меня...»	119
«С четверти первого до полседьмого...».....	120
«Ты просишь меня, чтоб со мной никогда...»	120
«В малиннике — змеи...».....	121
«Ну почему же, я люблю обновки...».....	122
«Твой голос морозен...»	123
«Было счастье неизбежно...»	124
«Я тебя не пугаю...».....	125
«Опять я прозевала миг...»	126
«Если ты после смерти в бою попадаешь в ад...»	126
Новый год	127
«Мы умрем с тобой в третьем тысячелетие...».....	128
«Вспомню: клен позолоченный...»	129
«Когда б не злая, хлесткая пурга...».....	130
«Того, кто уверен в будущем...».....	131
«А у сына — твое...»	132
Бабье лето	133
«Расставание — это конец суетливых событий...»	134
«Твой сад зарос раскидистой крапивой...»	134
«От смрада, от нервного быта...»	135
«Приехала из далеких краев...»	136
«Пришла весна...»	137
«Сел на карниз неумело, наверно, меньшей...».....	137
«Опять тебя, папа...»	138
«На исходе весны...»	139
«Любви нет...»	139
«Ты помнишь? — детство, стриженные ногти...»	140

Защитник Отечества	141
«Кто отличает звук орудий...»	142
«Лишь первый выстрел прохрипел в долинах...»	142
«Этот тронутый дымкой...»	143
«Символ праздника и жары...»	144
«Отмокаю на средней Волге...»	145
Зарисовка с натуры	146
«Месяцы, пропахшие голубикой...»	147
«Бремя давней любви...»	148
«Я-то знала, что буду нужна тебе и нежна...»	149
Портрет	149
«Но самый нищий — тот...»	150
Песенка	151
«Помню, целовались смеха ради...»	152
«Или тепло перешло все границы...»	153
«“Убежать от постылого мужа...”»	154
«Ночь ушла, как лодка из залива...»	155
«“Пожалуй, не люблю”, — сказал...»	156
«Мне не жалко ни слез, ни надежд, ни себя самой...»	157
«Что ни мгновенье...»	158
«Где, обреченный на неуспех...»	159
«И друг отвернулся...»	160
«Объяснять мне не надо, что гонит грачиную стаю...»	161
«Наговориться не могли...»	162
«Когда наступит срок...»	163
«Новый год...»	164
«Встретимся — у черты или за чертой...»	166
«Я жену твою не обижу...»	166
«Мы поедem по мокрым улицам...»	167
Косари	168

Воспоминание о счастливой зиме (2003—2006)

«Спасибо, судьба, за нежданную милость...»	173
«Бестолковую, несуразную...»	174
Последняя любовь	175
«Московского неба...»	176
«Конечно, я прежней жене твоей благодарна...»	177
Воспоминание о счастливой зиме	178
«В каменном, каверзном, строенном на года...»	179
«Милый, знаю — на свете бывают цветы...»	180
«Не звать гостей! Зачем нам гости...»	181
«И озеро в пятнышках облаков...»	182
«О дни предосенние...»	183
«Пока мы были с тобою врозь...»	184
«Те, кто прежде...»	185
«Посмотри — эта ночь не хуже...»	186
«Не пугай меня к ночи...»	187
«Кусты смородины, уже большие...»	188
«Ты думал: пусть одиночество...»	189
«Розовоухая кошка, утрюмый пастух, лягушки...»	190
«Насмешки такой бессердечной...»	191
«Ветер разнообразен...»	192

Не плачь, мой ангел (Новые стихи)

«И воскликнешь...»	193
Ангел	194
«В городе, где трава...»	196
«Август. Полдень. Елок вереницы...»	197
«С утра на лестнице...»	198

«Грохот. Крики...»	200
«Нет, не подвиг, а просто такая жизнь...»	201
«Знаешь, здесь, в Кузьминском парке...»	201
«Помнишь, не было хлеба, крова...»	202
«Умела прощаться, как умирать, — навеки...»	203
Осень в Крыму	204
«Казалось, здесь каждый кустик знаком...»	205
Село Уборы	206

Литературно-художественное издание
Серия «Поэтическая библиотека»

Гедымин Анна Юрьевна

ОСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ

Избранные стихи

Редактор

Лариса Спиридонова

Корректор

Дарья Сидорова

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Верстка

Светлана Спиридонова

Подписано в печать 27.03.2012.
Формат 70х108¹/32. Усл. печ. 9,8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № ...

«Время»
115326 Москва ул. Пятницкая, 25
Телефон (495) 951 5568
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

«От счастья я не исцелю», — помнится, говорила Анна Ахматова. Другая Анна — Гедымин — исцеляет, или, как сказал Баратынский, «врагуется» именно «счастьем»: это редкий, может даже редчайший случай в русской поэзии: умение писать в состоянии счастья. Счастливый случай.

Инна Кабыш

Эта книга — не для любителей модернистских вывертов, истерик и романтического надрыла. В традиционном стихе Анны Гедымин отражается, говоря высокопарно, умение ощущать жизнь как красоту даже в самые горькие минуты. Наш поэт осознает, что все мы — часть огромного и, по большому счету, справедливого миропорядка. Анна Гедымин — человек талантливый и щедрый. Своими завидными чувствами она мастерски умрет делиться со своими читателями.

Бахыт Кенжеев